

18+ ЛЮБИМЯ КОЛИКОВА

История, в которой
каждый найдет себя

Под жарким небом Батуми

Юлия Коликова

**Под жарким небом Батуми.
История, в которой
каждый найдёт себя**

«Издательские решения»

Коликова Ю.

Под жарким небом Батуми. История, в которой каждый найдёт себя
/ Ю. Коликова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-539990-8

Молодой успешный бизнесмен Карду, живущий вдали от родины и семьи, случайно сталкивается в аэропорту Ниццы с Арчи — двоюродным братом, с которым не общался восемь лет. Случайная встреча воскрешает ворох воспоминаний о детстве в Грузии, студенческой жизни в Лондоне, о Питере и самой чудесной девушке на земле — о Лиане. Но среди этих воспоминаний таится страшная трагедия, которая вот уже восемь лет не даёт Карду свободно дышать.

ISBN 978-5-00-539990-8

© Коликова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Часть Первая	6
Глава 1. Июль 2018 года. Ницца	6
Глава 2. Июль 2018 года. Ницца	11
Глава 3. 1998—2001 годы. Батуми	16
Глава 4. Июль 2002 года. Батуми	20
Глава 5. Июль 2002 года. Батуми	25
Глава 6. Август 2002 года. Батуми	27
Глава 7. 1975 год. Батуми	30
Глава 8. 1975 год. Батуми	36
Глава 9. 1975 год. Батуми	39
Глава 10. Ноябрь 2002 года. Санкт-Петербург	41
Глава 11. Ноябрь 2002 года. Батуми	43
Глава 12. Ноябрь 2002 года. Батуми	46
Глава 13. Апрель 1979 года. Тбилиси	49
Глава 14. Декабрь 2002 года. Батуми	53
Глава 15. Декабрь 2002 года. Батуми	56
Глава 16. Декабрь 2002 года. Батуми	57
Глава 17. Август 2018 года. Санкт-Петербург	59
Глава 18. Июнь 1980 года. Тбилиси	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Под жарким небом Батуми История, в которой каждый найдёт себя

Юлия Коликова

© Юлия Коликова, 2021

ISBN 978-5-0053-9990-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть Первая

Глава 1. Июль 2018 года. Ницца

- До новых встреч, – улыбнулась стюардесса Аэрофлота.
- До свидания, – попрощался я, направляясь из самолета в рукав.

Уже шагая по стеклянному коридору в терминал, я начал улыбаться в предвкушении. Прилетать в Ниццу всегда очень приятно. И хотя я тут живу большую часть года, приземление на Лазурном берегу не перестает отзываться во мне волной приятных эмоций.

Я частный девелопер. Так меня называют все – друзья, родители, партнеры по бизнесу, просто знакомые. Моя работа заключается в том, чтобы найти привлекательный участок земли или объект недвижимости, привнести изменения, получить необходимые разрешения и выгодно продать его. Сейчас у меня в работе пять таких проектов, и два из них как раз находятся в Ницце.

Люди считают, что о таком бизнесе можно только мечтать. «С твоей работой и отпуск не нужен! Просыпаешься, когда хочешь, делаешь пробежку по Ривьере, пьешь кофе с французскими круассанами и наслаждаешься жизнью, ни в чем себе не отказывая». На самом деле моя жизнь выглядит совсем иначе: утомительные частые перелеты, скучное общение с юристами, много бумажной работы, постоянный поиск покупателей, а главное – непрекращающийся стресс из-за больших финансовых рисков, которые я делю со своим другом и партнером Бердиа. Представьте себе, что месяц за месяцем вы должны тратить деньги, силы, энергию и время на то, что может не принести ни одного евро в будущем. Представили? Это и есть мой бизнес. Разумеется, большинство проектов приносят нам прибыль, но так бывает не всегда.

Мой Uber¹ уже ждал меня у входа. Я закинул в багажник свой маленький Samsonite² и сел в машину. На часах было семь вечера. Неплохо бы выйти сегодня куда-нибудь. Я набрал Бердиа.

- Кто это у нас прилетел? – поприветствовал меня друг.
- Привет. Уже еду в такси. Ждешь меня дома? – мы с Бердиа снимали одну квартиру на двоих. Четыре спальни, каждая со своей ванной, огромная гостиная, совмещенная с кухней, и что самое приятное – большая терраса с видом на море и выходом на крышу.
- Еще нет. Заехал в мэрию по поводу разрешения на строительство нового объекта.
- И что?
- Все хорошо, скоро можно будет приступать.
- Это хорошая новость. Надо позаботиться о том, чтобы скорее продать отель. Иначе нам просто не на что будет не только строить новый объект, но и жить.
- Не шути так, Карду. Доведешь меня до ручки. У нас почти ноль на счету. Сделка вот-вот должна состояться. Надеюсь, все пройдет гладко и покупатель не передумает.
- Я тоже. Какие планы на вечер?
- Особо никаких.
- Давай съездим поужинаем в «Будда»?
- Карду, суббота, вечер, июль, Монако. Эти четыре слова должны говорить тебе о том, что вряд ли в «Будда Баре» будет свободный столик даже для двоих человек.
- Попробуй позвонить. Не будет столов – разберемся на месте.
- С чего вдруг желание поехать в «Будду»?

¹ Uber – приложение для заказа такси. Здесь – в значении такси.

² Samsonite – компания, производящая чемоданы.

– Не знаю. Настроение такое. Увидимся дома.

Через пару часов мы уже сидели за барной стойкой черно-красного «Будда Бара» и допивали вино.

– Только время потратили. Говорил же, что столов не будет.

– Ну, – пожал я плечами и одним глотком осушил бокал. – Мне хотелось немного этой атмосферы. Я же только что из серого Питера.

За моей спиной вдруг раздался веселый голос:

– Извините, не могли бы вы, пожалуйста, пропустить меня к барной стойке на минуточку? Я закажу нам с подругой напиток и снова отойду. Иначе к стойке совсем не подобраться!

– Да, конечно! Мы вообще можем уступить вам место, так как уже уходим, – ответил я, поднимаясь со стула и не глядя на обладательницу голоса. – Пожалуйста, проходите.

– Конечно, это не то, на что я рассчитывала, – весело рассмеялась девушка, – но в любом случае, спасибо!

Уже уходя, я обернулся. Возле стойки стояла высокая стройная брюнетка в элегантном платье и черных лодочках. Она была похожа на амазонку, какими я их себе представлял: собранная и подтянутая молодая девушка, загорелая кожа цвета темной меди, легкие каштановые локоны, беспорядочно разметанные по плечам, слегка заметные натренированные мышцы и прямой открытый взгляд огромных зеленых глаз, обрамленных густыми естественными ресницами. Каждый ее жест, поворот головы, движение обладили грацией. Несмотря на светлую и мягкую улыбку, обнажающую зубы, в резких необычных чертах ее лица чувствовалось что-то дерзкое и бунтарское. А вот от глаз ее совсем невозможно было оторваться: в них крылось что-то магнетическое, притягательное, глубокое. Поймав смеющийся взгляд этих космических глаз на себе, я мгновенно пожалел о решении уйти, но Бердиа уже скрылся за спинами других людей в направлении выхода. Мне ничего не оставалось как улыбнуться в ответ и последовать за Бердиа. Я нагнал его уже на улице, у самого выхода с террасы «Будда Бара».

– Бердиа! Я хочу вернуться.

– Зачем?

– Мне понравилась эта девушка, я хочу с ней познакомиться.

– Здесь много девушек. Еще познакомишься. Надя только что написала. Она с подругами здесь, я хочу их встретить.

Бердиа был прав: девушек было предостаточно на любой вкус. Лазурный берег – Мекка среди самых шикарных женщин мира. Сюда круглый год приезжает огромное количество сногсшибательных красавиц, которые хотят получить от отдыха максимум эмоций и потому с удовольствием заводят здесь короткий роман. И как только их самолет отрывается от взлетной полосы в Ницце и направляется в сторону родного города, вы оставляете друг о друге лишь только приятные воспоминания. А вот Надя жила здесь, и Бердиа был сильно ей увлечен.

– Бердиа, давай поздороваемся с Надей и девчонками и вернемся в бар, – я сам не верил в то, что произносил. Чем так понравилась мне эта девушка? Я видел ее всего лишь несколько секунд. И я был не из тех, кто влюбляется. Влюбляться я больше не умел. – Пообщаемся немного.

– Ты можешь пойти без меня.

– Ты же видел, она с подругой. Будет лучше, если нас будет двое. Надя все равно пробудет здесь весь вечер, у тебя еще будет время с ней пообщаться.

Кроме того, мне совершенно не нравилась Надя. Ей было двадцать три года, она училась в местном университете и жила здесь на чьем-то содержании. Вот этим она мне и не нравилась: на чьем именно содержании Надя жила и училась в Монако, для нас с Бердиа было загадкой. Из рассказов девушки я знал, что родители ее были скромного достатка и жили на Украине. Было очевидно, что не они отправили ее учиться сюда. Бердиа же – человек добрый и влюб-

чивый – рядом с ней терял голову и готов был на все, лишь бы она продолжала проводить с ним время.

– Кардууу, – протянул Бердиа, закатив при этом глаза, – ну зачем тебе это надо?

Я и сам не знал. Просто она мне сильно понравилась. Просто... Просто что? Захотелось узнать ее получше? Об этом я совсем не думал. Захотелось завязать с ней короткий роман? Возможно. Захотелось провести с ней этот вечер, эту ночь? Да, скорее всего. Но ответа я не знал наверняка. Просто к ней тянуло обратно.

– Бердиа, сделай это для меня сегодня, ладно?

Он снова закатил глаза, и я уже знал – это согласие. Мы подошли к шумной компании Надиных подружек, поздоровалась, обменялись парой незначительных фраз и вернулись обратно в «Будда Бар». У барной стойки на прежнем месте сидели две девушки, одна из которых заливалась жизнерадостным смехом.

– А мы решили вернуться, – глядя ей прямо в глаза, произнес я.

– О! Очень здорово. Тоже решили заказать напитки, но не можете пробраться к стойке? – она ни на минуту не переставала улыбаться. Она вся была такая живая.

– Что-то вроде того. Кстати, что вы пьете?

– Розе, – ответила она.

– А я – апероль, – добавила ее подруга.

– Бердиа, что ты будешь?

– Тоже апероль, – невесело отозвался друг.

Я заказал нам напитки и сделал знак Бердиа вести себя более приветливо.

– Меня зовут Карду, а это мой друг Бердиа, – я старался перекрыть музыку, так как знал, что мое имя с первого раза никто не запоминает.

– Очень приятно. Кристина, – подруга девушки протянула мне руку, и я пожал ее.

– А я – Тея. Вы тут в отпуске?

– Нет, мы живем здесь.

– Ничего себе! А мы вот прилетели на выходные. Решили отметить Кристинин день рождения в Монако.

– День рождения! Поздравляю! И сколько имениннице лет?

– Женщинам такие вопросы не задают, – кокетливо улыбнулась Кристина.

– А вот и наши напитки, – Бердиа подал Кристине и Тее их бокалы. – Ну, с днем рождения!

Мы выпили, и Тея рассказала, что они ждут, пока освободится их столик для ужина.

– Хотите присоединиться? – предложила Кристина.

– С удовольствием, – подмигнул я Бердиа. Вот и столик на вечер.

Оказалось, что девушки жили в Москве, но довольно часто путешествовали по миру. Вот и завтра Тея улетала на какую-то выставку в Венецию. С ними было так интересно. Казалось, они знали все на свете и на все имели свою точку зрения. Я не хотел прощаться с Теей так скоро, а потому после ужина мы переместились в SaaS Cafe – шумный бар, где было полно народу.

Тея просто очаровала меня. Среди танцующих горячих красавиц, кальянного дыма, вина и оглушающей музыки я сидел напротив магнетической девушки с необычным именем и рассуждал с ней о том, что такое горизонт событий и куда ведут черные дыры. Мне нравилось слушать ее голос, спорить с ней, соглашаться и снова спорить. Она пленяла меня контрастами, которые в себе заключала, была разной каждую минуту нашего общения, и вместе с тем от нее веяло уютном и покоем. Она словно обволакивала теплом.

В ту ночь я лег спать с твердым намерением лететь в Венецию с Теей.

Но утро и пьяная головная боль смазали эмоции предыдущей ночи. Облик Теи тонул в винных парах и шуме ночного бара. Идея полета в Венецию больше не казалась мне чем-то

привлекательным, а чувствовал я себя так, словно меня разобрали на кусочки, а потом забыли собрать. Моросящий за окном дождь и серое затянутое небо подсказали мне выход: я просто отправил Тее пожелание хорошего полета, но в ту же секунду пожалел. Я вдруг тут же вспомнил эту упоительную ночь и то, каким я чувствовал себя рядом с ней. И вот я упустил шанс узнать ее поближе.

Но меня ждал приятный сюрприз. Ответным смс Тея сообщила, что ее рейс отмен и она полетит на другом самолете только вечером. Слава французским забастовкам! Я знал, это судьба дала мне еще один шанс побыть рядом с ней. Через час Тея уже сидела на пассажирском сидении моей машины и звонко смеялась моим шуткам.

Ницца встречала дождем, ветром и серыми тучами, нависшими над уютными улочками. Нам ничего не оставалось, как отправиться в ресторан в ожидании вечернего рейса. Там-то я и узнал Тею. Это была бесконечно жизнерадостная, легкая девушка, которая окутывала светом и хорошим настроением. Было ощущение, что что бы ни происходило с ней, она никогда не расстраивалась и не теряла вкуса к жизни. Энергия выливалась из нее через край и заряжала. Я мог слушать Тею часами: про ее родной город, про детство и родителей, про студенчество, про первую работу, ее друзей, путешествия, события ее жизни, про увлечения и страсть. И мне так хотелось открываться ей в ответ. Я рассказывал Тее про себя, детство в Питере и наши с Бердиа ежегодные грузинские каникулы, про мое студенчество в Лондоне. Я рассказал ей много, упустив то главное, что так изменило меня – я ни словом не обмолвился о трагедии в Батуми.

Я проводил Тею до стойки регистрации. Уже в аэропорту я сделал попытку поцеловать ее. К моему удивлению, Тея звонко рассмеялась, но не позволила мне этого. Мы так и расстались – просто помахав друг другу на прощание. Я еще какое-то время постоял на месте, провожая ее взглядом, и как только Тея скрылась за рамкой металлоискателя, развернулся в сторону выхода.

Я рассчитывал поскорее оплатить парковку и вернуться домой.

Внезапно стеклянная вертушка в дверях аэропорта остановилась, и я на полной скорости влетел в идущего впереди парня.

– Pardon³, – начал извиняться я.

Парень повернулся, и я застыл в ошеломлении. Меня словно окатило ледяной водой, и где-то в области желудка возникло тяжелое металлическое ощущение.

– Арчи?

– Карду?

– Что ты тут делаешь?

Практически во всех случаях вы точно помните момент, когда познакомились с тем или иным человеком. С кем-то вы познакомились в школе, придя первого сентября на линейку, с кем-то на вечеринке общих знакомых, кто-то был вашим первым начальником. Как мы познакомились с Арчи, я не помнил. Арчи – почти мой ровесник – был сыном папиной сестры тети Ани и приходился мне двоюродным братом. Мы знали друг друга с младенчества. С ним я провел лучшие дни своей юности. Арчи – был моим самым близким человеком. Именно был, потому что трагедия в Батуми изменила все. С тех пор прошло восемь лет. Восемь долгих лет, в течение которых я ни разу не встречался с Арчи.

Вертушка снова ожила и выпихнула нас на улицу. Мы вывалились из нее вместе и отошли в сторону, чтобы не мешать остальным выходившим. Я бросил быстрый взгляд на Арчи. Высокий, хорошо сложенный брюнет в дорогом костюме, солнечных очках и начищенных туфлях. Он ничуть не изменился с нашей последней встречи. Разве что стал выглядеть еще более статусно и элегантно.

³ Pardon (фран.) – извините.

Я не знал, что мне делать. Я не желал видеть и слышать его восемь лет, старательно избегая все семейные праздники, на которые он мог прилететь. И вот он стоит здесь передо мной, и я не могу просто молча пройти мимо.

– Не думал, что встречу тебя здесь, – буднично произнес он, глядя мне прямо в глаза.

Я пожал плечами:

– Я тут живу, – голос мой внезапно осип.

– Да, я слышал.

Пауза.

Арчи продолжал смотреть прямо на меня. Мне было сложно выдержать его взгляд.

– Я здесь по делам. Прилетел на пару дней. Представь себе, я впервые в Ницце.

– Надолго?

Он покачал головой.

– Сделаю несколько встреч и улечу завтра вечером.

Я не мог находиться рядом. Мне было невыносимо его присутствие. Он, стоящий тут напротив меня, воскрешал в памяти все чувства, бередил еще не затянувшуюся рану и напоминал обо всем, что случилось тогда.

– А вот и такси. Передавай привет Бердиа. Увидимся у сестры на свадьбе.

Он махнул мне рукой и, не дождавшись ответа, быстрым шагом удалился.

Я по-прежнему стоял как вкопанный. Я не мог пошевелиться. Я не мог понять, почему я чувствовал себя виноватым, а он так спокойно и достойно держался? Почему он заговорил со мной? Он не должен был. Не имел на это права. Он предал меня. Он знал, как сильно я любил ее, знал, как дорога она была мне. В конце концов она была его подругой.

Теперь домой мне совершенно не хотелось. Я забрал машину с парковки, проехал весь город насквозь и направился напрямик на мыс Кап Ферра. Съехав на обочину по гравию, я остановил машину, вышел и прислонился к капоту. Передо мной открывался привычный пейзаж: морская гладь глубокого синего цвета, покрытая белыми гребешками волн, серо-желтый песок, несколько белых яхт на горизонте и серебристая дорожка солнечных бликов. Я старался дышать как можно глубже, приводя себя в равновесие. Смогу ли я когда-нибудь снова свободно дышать полной грудью? Есть ли способ освободиться от всех этих чувств и воспоминаний? Есть ли способ простить?

Глава 2. Июль 2018 года. Ницца

– Ты даже не предложил ему поужинать с нами? – Бердиа был невероятно удивлен моим рассказом о встрече с Арчи.

– Поужинать? Если ты не заметил, я не общался с ним последние восемь лет.

– Я не могу понять причину этого. Ты так ничего и не объяснил. Он тоже никогда не называл причину. Вы оба молчите, но это же безумие. Что бы там ни было, он не виноват, Карду. В том, что случилось, нет его вины.

Я сморщился. Я не хотел начинать эту тему.

– Бердиа, прошу...

– Ладно-ладно. Но как ни крути, он твой брат. Скоро свадьба Кати. Ты не можешь не прилететь и на этот праздник. Она твоя родная сестра, и она выходит замуж. Арчи тоже прилетит. Тебе надо поговорить с ним, надо простить.

Я молчал.

– Да-да. Поговорите с ним. Карду, ты слышишь?

– Слышу Бердиа, – я налил себе бокал белого вина и вышел на террасу.

На город опускались сумерки. Сизая дымка обволакивала небо. Солнце медленно приближалось к горизонту, окрашивая морскую гладь в оранжево-фиолетовые цвета. На улицах зажглись первые фонари. Воскресный город успокаивался, умиротворенно затихал после шумных выходных. Я закрыл глаза и медленно втянул вязкий влажный воздух в себя. Так же медленно выдохнул. Сделал глоток охлажденного вина, с наслаждением подержал его немного во рту и проглотил.

– Бердиа, я чувствую, что ты стоишь за моей спиной. Что ты хочешь?

– Послушай, Карду. Я знаю, что мы не говорим об этом. Но мне кажется, пришло время все принять. Все, что случилось. Не закрывать глаза и уши, не отвергать брата. А простить. Принять. Карду, вспомни, какими мы были. Вспомни Батуми...

Я резко развернулся.

– Я помню Батуми. Я помню все, что случилось восемь лет назад, хотя я и не видел всего сам.

– Все твои воспоминания о Батуми – это воспоминания о том, что случилось. Но ведь было не только это. Карду, все закончилось так, как закончилось. Ты любил ее. Ты любил его. Мы все были очень счастливы. Почему ты вычеркиваешь такие прекрасные дни из своих воспоминаний? Почему ты лишаешь себя детства?

Я снова отвернулся и стал смотреть на закат. Бердиа, конечно же, прав. Грузия гораздо больше, чем та трагедия. Грузия была моим вторым домом, в Грузии прошло все мое детство. Здесь в компании Кати, Бердиа, Арчи и Лианы я провел свои самые счастливые летние каникулы. И, несмотря на то, что случилось позже, эти летние дни остались во мне как память об абсолютном счастье.

Наши с Бердиа отцы выросли в хороших грузинских семьях в двух домах по соседству, в Батуми на улице Варшанидзе. Они дружили с самого детства. Вместе ходили в школу, вместе проводили все свободное время, вместе решили поступить в университет и ехать в Питер, вместе начали строить бизнес в перестройку.

Каждое лето я с нетерпением ждал, когда мы всей семьей отправимся на каникулы в Батуми. Там нас уже ждал дом бабушки Тинатин и дедушки Карду, чье имя я унаследовал, и Арчи, который со своими родителями жил в этом же доме. О, то был чудесный дом! Просторный и светлый, с огромной террасой, он был окружен раскидистым фруктовым садом. Абрикосы, инжир, груши, мандарины, смородина, фейхоа – все можно было найти в этом саду.

Его тенистые деревья с густой кроной не раз спасали нас от полуденной летней жары. Сам же дом был невероятно большой. На первом этаже располагалась гостиная с просторной остекленной лоджией, комната с джакузи, прачечная и, наконец, кухня с прилегающей открытой террасой, на которой каждый вечер вся семья в полном составе собиралась за ужином. Второй этаж занимали две большие спальни, каждая со своей ванной комнатой и гардеробной. Одна – на правой стороне дома – принадлежала дедушке и бабушке, другая, та, что слева – родителям Арчи. Третий же этаж оставался нашей вотчиной. Тут была библиотека, две небольшие гостевые, в которых обычно селились мои родители и Катя, а еще комната Арчи с балконом. Столько ночей подряд мы провели с братом на этом балконе, изучая звездное небо и болтая обо всем на свете. Я много читал, а потому с упоением пересказывал Арчи сюжеты любимых книг, интересные факты истории, астрономии, искусства – все, что сам недавно прочел. А он взахлеб говорил о футболе, своих тренировках, команде и тренере. Бывало, мы болтали до самого рассвета и засыпали с первыми лучами утреннего солнца.

В Грузии все было не так, как в Питере. Дом всегда был полон шума, смеха, веселья, звуков и запахов готовящейся еды. По вечерам мы собирались за одним большим столом, ломившимся от грузинских блюд; пили, ели и много общались. Днем же мы были необычайно заняты: исследовали мыс Сарпи, купались в Черном море и загорали на пляже, уходили в горы, готовили обед вместе с бабушкой или помогали дедушке в саду, играли с соседскими ребятами, рыбачили, катались на велосипедах. Мы всегда знали, чем себя занять. Мы наслаждались своим свободным беззаботным детством.

А еще мы были невероятно дружны. Казалось, на всем белом свете нет такой чистой и близкой дружбы, какая была между нами. Я, моя сестра Катя, Бердиа, Арчи и Лиана. Все мы знали друг друга с пеленок. Дом дедушки Карду и бабушки Тинатин стоял прямо между домом родни Бердиа и домом Иосифа Табидзе – отца Лианы. Кроме того, Лиана и Арчи учились в одном классе в школе. Так или иначе мы все были связаны между собой.

Мне сложно теперь уже вспомнить, когда я увидел Лиану в первый раз. Теперь уже кажется, что она была всегда, с самого начала, и я всегда любил ее. Лиана была дочерью известного на всю Грузию писателя и сценариста – Иосифа Табидзе. Жили они в доме по соседству – большом белом особняке с колоннами и резными узорами-сводами. Отец Лианы был угрюм и нелюдим. Я нечасто видел его: в основном по вечерам, когда тот выходил из дома и широкой походкой отправлялся в сторону города. Мама Лианы – Нана – была женщиной самой обычной наружности, но обладала мягким нежным взглядом. Через невысокий забор вокруг их участка я нередко видел ее в саду за чашечкой чая и книгой. Ни Иосиф, ни Нана Табидзе не заходили к нам в гости. Не было у них и других друзей на нашей улице. Их жизнь представлялась мне тихой и спокойной.

Со стороны казалось, что Лиана не имеет ничего общего со своими родителями: невероятно активная, живая, веселая девчонка с заразительным смехом, она всегда придумывала новые необычные приключения. Охота на ужей, игры в пиратов, поиски затерянного клада – чего только она не придумывала. Лиана была душой нашей компании. Ее талант состоял в неиссякаемой жизненной энергии, в какой-то поражающей целеустремленности, а главное – в непоколебимом чувстве справедливости.

Ее стремление к справедливости проявлялось иногда совершенно неожиданным способом. Я помню, как однажды, еще совсем маленькие, мы играли с соседскими детьми на пляже: строили замки и крепости из песка, лепили фигурки черепашек, рыли туннели. Было нам с Лианой лет по шесть-семь, не помню точно. Среди толпы детей один – его звали Богдан – тяготел к разрушению. И пока все созидали, он вносил деструктив: топтал кулички, рушил туннели, а несогласных обсыпал песком с ног до головы. Купаться без взрослых нам было строго-настрого запрещено, поэтому на пляже мы сидели в шортиках и футболочках и в воду не лезли.

Когда ты полностью одет и тебе нельзя залезть в море, перспектива быть обсыпанным песком от макушки до пят выглядит не слишком привлекательно.

Неожиданно замок Лианы пал жертвой ноги Богдана.

– Зачем ты это сделал? – просто спросила она.

Богдан не ответил, но на всякий случай обсыпал Лиану песком. Вероятно, чтобы предотвратить наступление. Песок застрял в ее длинных красивых волосах, испачкал белую маечку и засыпался в сандалии.

Лиана встала, отряхнула песок как смогла, взяла велосипед и уехала. Вернулась она минут через десять все также обсыпанная песком. Ну руле ее велосипеда болтался пластиковый пакет. Лиана положила велосипед, вынула что-то из пакета, переложила в одну руку и направилась к нам. Богдан не обращал на нее никакого внимания. Она выжидала.

– Богдан, – вдруг окликнула мальчика Лиана. – Можно я посмотрю твою кепку? Она красивая.

Богдан, не ожидавший подвоха, заулыбался, снял кепку и протянул ее Лиане. Та в мгновение очутилась возле Богдана и опустила руку ему на макушку. Тот заверещал как ошпаренный:

– Что это? Что это такое?

Тут же на его голову обрушилась вторая рука Лианы, а мы все увидели, как по волосам, голове, лицу Богдана растекалась желтая липкая жижа. На песке вокруг рассыпались осколки белой скорлупы. Лиана привезла с собой два сырых яйца, хитростью заставила мальчишку снять кепку и разбила их о голову Богдана. Вот такая она была. Лиана.

Благодаря все тому же ее чувству справедливости в нашей компании появился Ика. Ика жил тут же, на Варшанидзе, и ходил в одну школу с Арчи и Лианой. Он был маленьким и щуплым мальчиком, на два года младше нас. Кроме того, он был из самой простой, не богатой и не знаменитой семьи. Из-за маленького роста он вечно служил козлом отпущения и мальчиком для битья. Он мечтал только об одном – жить обычной жизнью школьника, хорошо учиться, иметь приятелей по соседству, вместе с ними гулять и играть. Но никто не брал его в компанию, никто не хотел с ним дружить. Дело было в том, что Ику невзлюбил агрессивный задира Резо из класса постарше.

Резо был туповатый парень неприятной наружности. Его любимыми развлечениями были отлов безобидных мальчишек поменьше, тех, кто не мог дать ему отпор. Он хватал их на заднем дворе школы, колотил вместе с приятелями, отбирал карманные деньги и всячески унижал. Делал он это отчасти из удовольствия, отчасти для привлечения внимания других школьников. Ему хотелось быть популярным, но в силу своей безобразной отталкивающей внешности и невыразительного ума он не смог найти другого способа стать знаменитым, как только лупить малышей.

Ика не жаловался учителям и родителям, никому не рассказывал, откуда на его лице побои и почему разорвана рубашка, а потому и стал любимой безопасной мишенью Резо. Тот выискивал Ику в коридорах школы еще с утра и начинал задирать его с самых первых уроков. Затем караулил на школьном дворе после занятий, где хватал его за ворот рубахи, таскал по земле и хлестал по щекам. Ика даже не пытался сопротивляться. Он просто хотел, чтобы все это поскорее закончилось и он смог спокойно отправиться домой.

Представление это стало собирать большое количество зрителей. Все ребята из младших классов вываливались гурьбой в школьный двор и окружали Ику, чтобы посмотреть, как Резо будет его лупить. Резо с каждым разом становился все агрессивнее. Он изо всех сил пинал портфель Ики, поливал мальчика из бутылок желтой жидкостью, мазал его голову грязью, заставлял есть траву, обзывал и оскорблял его, выворачивал руки и под конец пинал его ногой под зад. Все это происходило на глазах у всех учеников младшей школы, которые стояли кружком

и скандировали: «Бей! Бей! Бей!». Кто-то, поддавшись стадному чувству, выбегал из круга и тоже отвешивал Ике пинка.

Однажды шум и гвалт на заднем дворе привлекли внимание Арчи и Лианы, которые возвращались из школы домой.

– Арчи, что там происходит?

– Наверное, кто-то подрался. Малыши, всякое бывает.

Они прошли мимо, но уже на следующий день толпа скандирующих детей на школьном дворе снова привлекла внимание Лианы.

– Арчи, идем посмотрим.

Лиана и Арчи протиснулись через толпу, и их взору открылась ужасная картина. В центре круга, образованного детьми, на четвереньках стоял маленький всклокоченный мальчишка и вытирал тыльной стороной ладони кровь, которая лилась у него из носа. Шагах в пяти от него в победоносной позе стоял безобразный Резо и кидался кусками грязи и еще каких-то нечистот прямо в мальчишку, целясь в лицо. А из толпы в этот момент выбегали другие ребята и с огромным удовольствием отвешивали бедному мальчику пинки под зад. Толпа ревела от удовольствия. Не помня себя от гнева, Лиана устремилась напрямик к Резо, схватили его за руку, занесенную для очередного броска, и закричала прямо в ухо: «А ну, оставь его!».

Лиана была старше Резо и выше его на целую голову. Должно быть для него она уже казалась взрослой. Лиану знали в школе и уважали. Она всегда хорошо училась, была развита физически и часто выигрывала в школьных спортивных соревнованиях. Кроме того, Лиана была из очень хорошей семьи. Почти все мальчишки школы нашего возраста были в нее влюблены, а девчонки хотели быть на нее похожи.

– Оставь его, – повторила Лиана уже тише, глядя Резо прямо в глаза.

Резо ухмыльнулся, вывернул руку и сделал замах, чтобы бросить грязью в Лиану. Но не успел он претворить свою задумку в действительность, как Арчи схватил его за руку и завернул за спину. Резо скрутился и взвыл от боли. Физически Арчи был развит не по годам. С самого раннего детства он занимался футболом и тренировался по пять-шесть раз в неделю. Резо не представлял для Арчи значительной угрозы. В следующее мгновение Резо получил сильный удар кулаком в лицо и с плачем покатился по земле, держась за нос.

– Больно, – захныкал он. – Ты сломал мой нос.

Тут толпа засмеялась.

– Смотрите, Резо ревет как девчонка, – раздавались голоса в толпе.

– Резо получил от девчонки, – звучало то тут, то там.

– Резо слюнявый нытик, – добавляли другие.

Лиана обвела толпу взглядом.

– Как вам не стыдно. Стоите тут и смотрите, как вашего товарища изводит этот негодяй. Смейтесь.

Кто-то опустил глаза вниз, кто-то потихонечку начал расходиться.

– А если бы вас так лупили? Чтобы вы тогда думали? Хотели бы оказаться на его месте?

– Убирайся отсюда, – прорычал Арчи на ухо Резо. Тот быстро поднялся и пустился наутек.

Понемногу толпа разошлась, и на школьном дворе остались только Лиана, Арчи и Ика.

– Идти можешь? – спросил Арчи.

– Могу, – глядя себе под нос, пробурчал Ика.

– Только не плачь. Мужчина не плачет.

– А я и не плачу, – шмыгнул он носом и вытер капающую из него кровь. – Я никогда не плакал.

– Молодец. Не плачь ни при каких обстоятельствах, чтобы с тобой ни случилось.

– Я знаю. Я не буду, – мальчишка взглянул сначала на Арчи, затем на Лиану. – Спасибо вам. Вы меня выручили.

– Не за что. Меня зовут Лиана, – Лиана улыбнулась ему и подала руку, чтобы Ика смог подняться. – А это Арчи. Где ты живешь? Мы проводим тебя.

– Спасибо, – еще раз отозвался Ика. – Я живу на Варшанидзе.

– Вот и здорово. Мы – тоже. Пойдем с нами.

На следующее утро Арчи и Лиана уже ждали Ику у его дома, чтобы идти в школу вместе. С того дня школьные неприятности Ики прекратились раз и навсегда. Каждое утро Лиана и Арчи поджидали Ику у его дома и вместе они отправлялись в школу. Лиана часто навевалась к нему в класс на переменах поболтать и проконтролировать, что никто его не обижает. Арчи брал его с собой на школьный стадион, и вместе они гоняли мяч, отчего другие ребята в классе зауважали Ику. Еще бы! Ведь он был на равных с мальчишкой постарше. Резо держался подальше от Ики, так как связываться с Арчи и Лианой у него охоты не было.

Ика оказался сообразительным и неглупым парнишкой. Ко всему прочему, несмотря на все злоключения, произошедшие с ним, Ика имел доброе сердце и веселый характер. Он часто шутил и смеялся вместе с Лианой, внимательно слушал истории Арчи, играл с ним в футбол. Все трое быстро подружились. Как-то раз бабушка Тинатин позвала его пообедать вместе с ними и Арчи. Ика не отказался. Так он стал частенько бывать у нас дома.

Вскоре разговоры об Ике дошли и до меня. Была середина учебного года, я был в Санкт-Петербурге, и, признаюсь честно, весть о том, что Арчи и Лиана завели себе нового друга, больно ранила меня. Я ревновал от того, что в компанию взяли кого-то еще, мне казалось, что он заменяет меня. Ика ездил с ними на велосипедах, ходил в горы и прыгал со скал в море, учился в одной школе, возвращался с ними домой, играл с Арчи в футбол и даже обедал на нашей кухне! А я в это время сидел над учебниками в холодном Санкт-Петербурге. Я умирал от скуки, а у них разворачивалась целая жизнь.

Глава 3. 1998—2001 годы. Батуми

Однажды кто-то из нас предложил играть в ярмарку. Каждый собрал кучу своей мелочевки – ту, что еще представляла какую-то ценность для других, но была уже не очень нужна нам самим, и вынесли все это в наш сад. Мы разложили свои пожитки перед собой. Чего тут только не было: фишки с покемонами у мальчиков и Сейлор Мун – у девочек, блокнотики, ручки, заколочки-бабочки, пружина-радуга, запутавшаяся и потому уже не нужная своему хозяину, синий лизун с блестками, водный пистолет, розовые резиночки для прыгання, бегемотики и дельфинчики из киндер-сюрпризов, пластиковая пробка с шипами, надетая на нитку – самая популярная дворовая игрушка нашего детства, – и куча всего остального. У каждого экспоната была своя ценность. Мы продавали эти вещи друг другу пусть и за совсем небольшие, но все же настоящие деньги. К концу дня Лиана сказала, что так мы денег не заработаем. Бердиа возразил, что это всего лишь игра и деньги тут совсем не играют роли, но Лиана озадачилась. Она старалась придумать, как мы могли немного подзаработать.

В их с Арчи классе был один парень по имени Миша. Отец Миши организовал свою автомастерскую у них в гараже, где с утра до ночи собирал и разбирал машины. Мастерская эта быстро стала известной не только в Батуми, но и во всей Аджарии, так как качество ремонта было великолепным, а цена приемлемой. Люди передавали друг другу адрес гаража, и клиентов у мастерской становилось все больше. Миша часто возился с отцом в гараже и помогал ему, чем мог. Как-то раз летом отец Миши предложил ему мыть отремонтированные автомобили перед сдачей их владельцам. За такую услугу отец брал с клиентов дополнительную плату, которую отдавал сыну за вычетом расходов на воду и моющие средства. Так у Миши появились свои первые деньги на карманные расходы. На эти деньги Миша угощал одноклассников сладкой ватой и газировкой с сухариками. У Миши было много друзей, он был одним из самых популярных парней в школе.

Лиана тоже хотела иметь свои карманные деньги. Не те, что давали ей родители, а те, которые она могла заработать сама. Лиана не нуждалась в деньгах, ее семья была хорошо обеспечена, это был скорее спортивный интерес. Лиана придумывала одну идею за другой. Она хотела ставить спектакль и продавать на него билеты, но не нашлось места, где мы могли бы разыграть спектакль. Тогда она захотела написать роман про Наполеона и Жозефину, но, во-первых, не смогла придумать роман, во-вторых, не смогла придумать, на чем бы его напечатать и как его издавать. Следующей ее идеей была все та же ярмарка, но для широкого круга покупателей. Эта идея провалилась, так как Лиана не смогла придумать, что мы будем продавать. Тогда Лиана решила организовать школу английского языка для малышей. Но и школе не суждено было случиться – английский язык мы все знали совсем недостаточно.

Я уже и не помню, откуда мы узнали про марганец – металл, который можно было найти буквально под ногами и сдать в специальные пункты приема за деньги. Выглядело все очень просто: мы брали с собой пакеты, небольшие молотки и отправлялись на поиски руды. В траве и на дорогах мы искали коричневые тяжелые камни, которые при расколе молотком в сердцевине оказывались блестящими как металл. Найдя один такой камень, мы могли быть уверены – неподалеку от него найдем еще много таких же камней. Набив сумки марганцем, отправлялись в пункты приема металлов и сдавали руду за хорошее вознаграждение. Так мы промышляли несколько недель кряду, пока это порядком не надоело. Но я навсегда запомнил то чувство свободы, которое мне дали мои первые заработанные деньги. Пусть они были небольшие, пусть их хватало только на сладости, но само то, что мне не надо было просить деньги на вкусные мелочи у родителей или бабушки – дорогого стоило. Я мог сам выбирать, как ими распоряжаться. Я мог принимать решение. Это был первый вкус свободы.

Вскоре Лиана заявила, что нам нужно что-то более серьезное и интересное, чем сбор булыжников. Что-то настоящее. Идея пришла сама собой. Однажды мы отправились на пляж всей огромной компанией: мама с папой, бабушка с дедушкой, мы с Катей, Бердиа и его родители, Арчи с мамой и папой. Наши мамы загорали на пляже под жарким солнцем Батуми, папы устраивали дальние заплывы, мы же играли в карты на песке.

– Так хочется черешни, – протянула мама.

– Да, и мы что-то взять не догадались.

– Карду, милый, вы не съездите с Арчи в дом? Мы вчера насобирали черешни и оставили ее в холодильнике.

– Конечно, мам, сейчас обыграю Катю и съездим.

Катя недовольно фыркнула.

Уже на следующий день мы придумали, как немного подзаработать: мы собирали фрукты в саду, отвозили их на пляж и продавали туристам и отдыхающим. Наша задумка приобрела невероятную популярность: туристам нравились свежие фрукты на пляже, которые разносили ребята. Черешня, клубника, абрикосы, смородина – в ход шло все. Особенной популярностью неизменно пользовалась клубника. К следующему году мы решили подготовиться основательно и разбили дополнительные грядки клубники у нас в саду. Бабушка научила нас, как выращивать ягоды, и давала советы по уходу за нашим огородом. Мы с Бердиа и Катей трудились над урожаем, Арчи, Ика и Лиана занимались развозом и продажей ягод на пляже. Деньги мы собирали вместе и делили поровну между всеми участниками предприятия. Родители не возражали, им нравилось наше увлечение. А у нас появились свои карманные деньги. Теперь мы тоже могли угощать одноклассников всякими вкусностями, покупать подарки нашим родителям и откладывать понемногу – каждый на свои цели.

Тогда я не знал, на что откладываю деньги. Еще с ранних лет у меня была синяя пластиковая копилка-звезда. Кажется, мне подарила ее мама. Она закрывалась на маленький металлический замочек. Ключ хранился у мамы, но я быстро научился открывать копилку скрепкой. Внутри копилки мама клала деньги, подаренные родственниками мне на день рождения, туда же я сбрасывал заработанные и сэкономленные мной самим. Это были мои первые собственные средства. Не помню, чтобы когда-то мне хотелось их на что-то потратить. Мне нравилось часто открывать копилку и пересчитывать ее содержимое. Я получал удовольствие от осознания, что сумма монет и бумажных денег в копилке неуклонно растет.

– Карду, а давай переплывем на турецкую сторону?

Мы с Арчи сидели на мысе Сарпи и болтали. Небо было затянуто серыми низкими тучами, с моря дул прохладный ветер и моросил дождь. Все остались дома. Никто не захотел ехать на Сарпи, кроме Кати, но бабушка не позволила ей отправиться с нами на море в такую погоду. Мы с Арчи были вдвоем.

– Ты шутишь? Как мы переплывем – это же вон как далеко, – на самом деле я боялся не дальности расстояния, а глубины моря. Даже не самой глубины, а того, что может там таиться.

Это случалось со мной всегда, когда я заплывал достаточно далеко. В своих силах я никогда не сомневался. Но как только я понимал, что заплыл достаточно далеко от берега и подо мной может уже тридцать, а то и все пятьдесят метров глубины, сердце начинало тревожно биться. Вода в Черном море недостаточно прозрачная, и, отплыв на некоторое расстояние от берега, перестаешь видеть что-либо под собой. Только темно-зеленые мутноватые воды с примесью песка, поднятого со дна. Заплывая еще дальше, не видишь уже и песка – только вода, из темно-зеленой переходящая в черную морскую пучину.

– Я бы хотел переплыть. Мне нравится плавать, – немного помолчав, добавил Арчи.

– Больше, чем футбол?

- Ну... В футболе вся моя жизнь, ты знаешь. Но и плавать мне нравится.
- Сколько здесь? Километров десять?
- Нееееет, тут все тридцать пять, а то и немногим больше.
- Откуда ты знаешь?
- Отец рассказывал про одного советского пловца, который переплыл море вот отсюда, – Арчи указал на берег поодаль. – И воооон до туда, до турецкой стороны.
- Думаешь, это правда?
- А то! Он хотел убежать из Советского Союза. Говорят, специально переехал из Сибири в Батуми за несколько месяцев до побега. Готовился, тренировался. Тут была хорошо охраняемая граница. Здесь же еще был Союз, а вон там уже, – он снова махнул рукой в сторону Турции, – уже свободный капиталистический мир. Но он был профессиональный пловец, кандидат в Олимпийскую сборную.
- Зачем же он бежал?
- Свободы хотел. Представь, как тяжело было жить в Советском Союзе. За границу не выехать, денег не заработать. Живешь в постоянном страхе. Тише воды, ниже травы.
- И что с ним стало?
- Его сразу арестовали в Турции. Думали – русский шпион. Никто и предположить не мог, что простой человек может вот так взять и проплыть тридцать пять километров, минуя патруль, не попавшись ни под один прожектор.
- Тут и прожекторы были?
- Конечно. Это же граница. Он плыл, а они светили – хотели высветить его и расстрелять, как врага. В Советском Союзе его заочно осудили на смертную казнь.
- А потом?
- Ну он вроде как сидел в турецкой тюрьме. Но там потом поняли, что он никакой не шпион, и отпустили его. Он вроде как и сейчас жив. Живет себе где-нибудь в Америке или в Англии. Я, если честно, не знаю.
- Мы помолчали, затем Арчи добавил:
- Я бы хотел сделать что-то такое же, запоминающееся. Что-то выдающееся. Ну вот взять хотя бы этот залив. Переплыть его – это же какой вызов. Но для этого, конечно, тренироваться надо каждый день.
- Так он твой герой?
- Нууу, – протянул Арчи. – Не то чтобы герой. Но он заряжает меня. Вдохновляет своей силой, волей и храбростью. А у тебя есть такой пример?
- Я задумался. Спорт и спортивные достижения не привлекали меня всерьез. Мне нравилось слушать разные истории от Арчи или смотреть фильмы про спортивные подвиги. Но сказать, чтобы они вдохновляли меня, я не мог. Мне больше нравились фильмы и истории других персонажей.
- Знаешь, я недавно посмотрел фильм «Бойлерная». Не смотрел?
- Нет. О чем он?
- Он про Уолл-стрит, про брокеров.
- Что за Уолл-стрит?
- Есть такая улица в Америке. На этой улице стоит Нью-Йоркская фондовая биржа. Там работают брокеры, они покупают и продают акции. Зарабатывают большие деньги, пытаются угадать, какая акция пойдет в рост, а какие акции подешевеют в ближайшее время.
- И чем тебя вдохновляют брокеры?
- Я задумался.
- Ну знаешь, они делают то, чего не могут другие. Они находят способ, как убедить других вложить деньги в акции. Это непросто. А еще они богаты и живут хорошей жизнью.

Ну это же сложно. Ты только представь: надо убедить другого отдать свои деньги с большим риском. И неизвестно, окупятся твои вложения или нет. Это же тоже своего рода мастерство.

– Ну не знаю, Карду. Возможно. Но мне бы наверно это не приносило удовольствия.

А вот мне почему-то казалось, что это невероятно круто, а потому, наверно я бы получал от этого удовольствие такое же, как Арчи получает, выходя на футбольное поле. Кроме того, мне нравилось представлять себя, сядившегося в дорогую машину или – а кто знает? – в частный самолет. Я ни на секунду не сомневался, что так оно все и будет: большой дом, дорогая машина, путешествия в разные страны, красивая безбедная жизнь. Я точно знал, что моя жизнь будет успешной.

Глава 4. Июль 2002 года. Батуми

– Интересно, кем мы все будем через десять лет? И где мы все будем? – вдруг спросила Лиана.

Ее голос разнесся по террасе в тишине прохладной июльской ночи. Черное небо уже осветили блестящие огонечки звезд. Мы знали, что уже совсем поздно, но нам было так хорошо сидеть здесь и разговаривать обо всем на свете. Ика и Бердиа давно ушли, Катя тоже отправилась спать. В нашем доме ни в одном из окон не горел свет – все было тихо и спокойно. Остались только мы с Арчи и Лиана.

Никто не торопился отвечать на повисший в воздухе вопрос. Арчи лениво развалился на подушках в качелях, глядя в темноту. Лиана сидела между мной и Арчи. Я искоса посмотрел на нее. Какая же она красивая! Ни у кого еще я не видел таких шелковых длинных волос, такой прямой и узкой спины, такой тонкой шеи. Сейчас в темноте мне был виден только ее стройный гибкий силуэт, и он очень волновал меня. Интересно, Арчи тоже замечает ее красоту?

– Сейчас нам пятнадцать. Через десять лет будет двадцать пять, получается? Здорово было бы собираться вот так здесь же и через десять, и через двадцать лет, – так же тихо произнес я.

Лиана развернулась и посмотрела мне прямо в глаза. Меня окатила волна горячего воздуха. Боковым зрением я заметил, что Арчи по-прежнему смотрит перед собой, глубоко задумавшись. Лиана же продолжала бурить меня своими черными глазами. Что это? Что хочет она сказать мне? Вдруг краем глаза я заметил, как Арчи вздохнул и выпрямился на подушках. Почувствовав это движение, Лиана тут же развернулась к нему.

– Я буду футболистом. Сначала выйду из юношеского состава, потом буду играть в высшей лиге. В «Динамо» или в «ВИТ-Джорджия», не знаю. А может повезет и в российском клубе буду играть. Потом попаду на какой-нибудь чемпионат мира или Европы, и в трансфертное окно меня кто-то и выкупит.

– Кто, например? – спросила Лиана.

– Ну ты спросила! Как я могу это знать?

– Ну ясно, что не знаешь. Но ты бы где хотел играть?

– Хотел бы в «Манчестере». Или в «Реал Мадриде». Да знаешь, где бы ни играть, лишь бы играть. Люблю я футбол. С ним и свяжу жизнь.

На самом деле в том, что Арчи будет хорошим футболистом, не сомневался абсолютно никто. Мы все знали – в футболе у Арчи большое будущее. Он обладал невероятной выносливостью, скоростью, силой. Арчи на уровне интуиции чувствовал противника и предугадывал его маневры. Идеальная комбинация для бомбардира. И при этом Арчи не просто хороший игрок, он исключительный игрок. Тот самородок, найти который мечтает каждый тренер. Но самое главное было не это. Арчи живет футболом. Это его страсть. И это давало ему сил.

Дядя Михаил – отец Арчи – привел его на тренировку первый раз, когда сыну было 5 лет. Я до сих пор не мог простить своему отцу, что тот не догадался отдать в футбол и меня тоже. Может и я мог бы претендовать на звание спортивной звезды? Абсолютно все – родители Арчи, мои родители, бабушка и дедушка – вообще все всегда восхищаются Арчи и его успехами. Девчонки всегда обращали внимание сначала на Арчи и уж только потом – на меня. А ведь мы оба могли бы стать футболистами. По крайней мере у меня был бы хотя бы шанс.

– Чувство, которое я испытываю на поле, – продолжил после некоторой паузы Арчи, – его вот я ни на что не готов променять. Знаете, на поле я забываю обо всем. Есть только мяч и противник. Ты фокусируешься только на игре, но знаешь, что весь стадион следит за тобой – твой тренер, друзья, родные, просто болельщики. И нельзя их подвести – они верят в тебя.

Нельзя подвести самого себя, ведь ты сам тоже поставил себе какие-то цели. У меня есть цель, и я ее добьюсь любой ценой. Ведь это все в моих руках.

– Точнее в ногах, – рассмеялась Лиана.

Пока она смеялась, я думал только о том, что мой двоюродный брат уже окончательно определился со своим будущим, нашел свою страсть и идет в выбранном направлении. И, судя по всему, ничто в мире не способно его остановить. Я же еще пока только обдумываю свою цель.

– Да, в ногах, именно, – спокойно ответил Арчи. – Смысл в том, что если у тебя есть цель – ты ее добьешься. Найдешь способ – как. И любая даже самая тяжелая тренировка тебе по плечу. Ведь ты знаешь, ради чего все это. Ты получаешь удовольствие от боли, которая разливается по твоим мышцам после тренировки. И все зависит только от тебя. Ты сам – хозяин своей жизни.

Арчи, насколько я его знал, не любил неудачи и поражения, а поэтому делал все возможное и невозможное, чтобы их избежать. Он делал максимум того, что может сделать человек для достижения задачи, и это приносило плоды. Я видел это, знал справедливость сказанных им слов. Так почему я все никак не определяюсь со своими целями? Почему не начну двигаться хоть в каком-то направлении. Вот и мать всегда ставила мне в пример двоюродного брата: «Арчи – молодец! Карду, тебе бы быть посерьезнее». Арчи столько же лет, сколько и мне, но он уже не просто думает о будущем, он его строит. А я... Я тяжело вздохнул.

– В общем, буду новым Пайчадзе, – закончил Арчи.

– Это тот футболист, о котором снял фильм твой дедушка? – обратился я к Лиане.

– Да. Лучший футболист Грузии всех времен. Фильм, правда, не был особо популярен. Я знал, что Лиана очень любила своего деда и часто навещала его в Тбилиси.

– Круто, Арчи. Все будет...

– Арчи, – перебила меня Лиана. – А как ты понял, что любишь футбол?

– Люблю, и все. Я всегда его любил.

– Ну ведь когда-то ты же должен был понять, что любишь его?

– Ты знаешь, я уже и не знаю. Сколько себя помню – я всю жизнь в футболе. Смутно помню, как родители решали, в какую секцию меня отдать. Помню, отец всегда хотел, чтобы сын был звездой футбола. Именно так, – ухмыльнулся Арчи. – Звездой. Он часто любит говорить: «Мой сын – будущая звезда мирового футбола».

Арчи немного помолчал.

– Ты знаешь, футбол – это то, что у меня получается. А я люблю делать то, что получается. Отец всегда очень рад моим победам, успехам, забитым мячам. Помню один случай. У нас был матч против другой команды в Кутаиси. Мы поехали в Кутаиси, сыграли матч и сразу – обратно домой. Представляете, да, четыре часа в душном автобусе в одну сторону, четыре часа в другую. Захожу домой. Мама и папа на кухне, к ужину готовятся. Мама спрашивает: «Арчи, милый, ты устал? Голодный? Хочешь кушать?». А папа знает что?

– Что?

– «Арчи, какой результат?» – Арчи залился звонким смехом. – Какой результат, представляете? Вот что волновало папу. Зато с каким удовольствием я сказала ему: «Два-ноль в нашу пользу». А он: «Кто забил?». «Я», – говорю. «Все два?» – «Все два». Вот тогда радости было. Папа даже достал вино. Мы дооооолго тогда сидели за ужином вместе. Папа тогда много спрашивал про игру, про матч, про мои тренировки. И интересовался. Нечасто у него так много времени бывает, чтобы вот так посидеть, поговорить, поспрашивать меня. Я помню, мама убрала со стола, ушла в комнату. А мы все сидели с папой вдвоем. Я и не помню, когда еще папа вот так со мной сидел так долго вдвоем.

Арчи сделал паузу. Молчали и мы.

– Я просто делаю то, что получается. Ничего другого я и не пробовал. Ну а ты, Лиана? Ты тоже уже определилась? – неожиданно переключился Арчи на Лиану.

– Да, – медленно произнесла она после небольшой паузы.

Она посмотрела на меня. Снова этот странный ее взгляд. Как он обжог меня! Я мог поклясться, она никогда раньше так на меня не смотрела.

– Я определилась.

Я почувствовал странное возбуждение от ее слов. В районе солнечного сплетения разлилось жгучее тепло. Оно появилось так неожиданно и так же внезапно пропало. Всего секунда! Показалось? Нет? Лиана нравилась мне, я всегда был в нее влюблен с самых детских лет, но держал это втайне ото всех. Она была нашей подругой – нашей общей подругой, и мне казалось, я не имел права любить ее. А что же скажет Арчи, когда узнает? И стоит ли ему рассказывать? Ведь Лиана и его друг тоже. А вдруг... Вдруг Лиана нравится и ему? Может мне все это просто показалось?

– И что же это? – Арчи прервал ход моих рассуждений.

– Что? – переспросила Лиана, отворачиваясь от меня.

– Ну, ты сказала, что определилась. И что это?

– Все-то тебе расскажи. Потом узнаешь!

– Также хочешь быть писателем, как твой отец?

– Он прежде всего сценарист, – поправила Лиана.

– И писатель. Я читал его мрачную книжку. Как она там называется?

– Ты прекрасно знаешь, как она называется, – Лиана нащупала рукой подушку и запустила ей в Арчи. – И ничего она не мрачная.

– О, еще какая мрачная! Депрессивный Достоевский отдыхает по сравнению с великим Иосифом Табидзе.

– Прекрати, Арчи, – вступился я за отца Лианы. Между собой мы с Арчи часто подшучивали над ним и его книгами, но Лиана этого не любила, хоть и старалась нам не показывать. Часто читал в газетах, что произведения Иосифа – очень глубокие и сильные, полны драматизма и поднимают важные темы. Я читал пару его произведений и нашел их полными безысходности и тоски. Лиана рассказывала, что временами на отца накатывала меланхолия, и тогда дома совершенно невозможно было находиться, так как сильная энергетика отца распространялась на всех членов семьи. Лиана говорила про отца, что он очень громко молчит. Но случалось это нечасто и обычно заканчивалось написанием новой серьезной главы или даже разделом книги.

– А ты, Карду? Ты думал о своем будущем? – Лиана взглянула на меня.

Теперь под ее взглядом я чувствовал себя иначе. Как-то странно и нервно. Ее мнение вдруг стало для меня очень важно. Что, если я скажу, что еще не думал о будущем, не определился с профессией? Знаю только то, что непременно буду очень успешен. Но это же не ответ, и я понимаю это. Это не звучит как план и не так убедительно, как у Арчи. А что тогда она будет думать обо мне? Вот рядом Арчи – уже звезда, уже успешен, уже идет вперед. Как для нее выгляжу я на фоне двоюродного брата?

Я ответил на ее взгляд вызовом.

– Думал. И тоже определился.

Она усмехнулась.

– Будешь держать это в секрете?

– Нет, почему же? Я буду брокером. Буду продавать и покупать ценные бумаги, а потом открою свою брокерскую фирму.

Я снова поймал на себе взгляд Лианы. На этот раз она смотрела на меня с интересом.

– Ты уже знаешь, с чего начнешь?

– Да. Знаю. Но вот это я буду держать в секрете.

– Это еще почему, – засмеялась Лиана. – Боишься, не сбудется?

– А то! – с усмешкой отбил ее колкость я.

– Вот теперь представьте, – перебил нас Арчи. – Через пять-семь лет мы все сидим снова тут, в той же беседке. Я только что прилетел из Манчестера, ты из Лондона. Мы встречаем тут Лиану...

– Почему это тут? – вмешалась Лиана.

– Потому что ты не рассказала нам, чем будешь заниматься и где.

– Я тоже прилечу из Лондона, – она бросила этот свой взгляд на меня.

– Ого! Да вы, может быть, даже попадете с Карду на один рейс.

– Может и попадем, – теперь уже она весело улыбалась Арчи. – Если Карду захочет на этот рейс.

Я не мог найти себе места. Что она говорит? О чем она говорит? Говорит ли она просто про будущее, про рейс, про самолет, или она прямо здесь и сейчас...? Что? Что здесь и сейчас? Ну вот еще. Я отмахнул все это.

– А почему нет? Я всегда буду рад повидаться с друзьями. И с удовольствием полечу с тобой на одном рейсе, – как можно более равнодушно ответил я.

Лиана фыркнула и отвернулась к Арчи.

– Продолжай.

– Так вот, мы все прилетаем сюда, встречаемся, рассказываем друг другу про жизнь, перемены, события. Я – успешный футболист. Карду – преуспевающий брокер, а ты, Лиана, прилетишь сюда с мужем и кучей маленьких деток.

– Куча маленьких деток через 5 лет? – заулыбалась она. Я искоса посмотрел на нее. Нет, ничего подозрительного. – Ну это уж совсем вряд ли. Сначала бы университет закончить.

– Интересно, он вольется в нашу компанию? – усмехнулся Арчи.

– Кто? – спросил я.

– Муж Лианы.

– Уверена, вольется, – весело отозвалась Лиана.

– С чего вдруг?

– Ну, это же я его выберу. Он будет похож на меня и будет разделять мои ценности и образ жизни. А значит он понравится и вам.

– Здорово же будет, правда? – продолжил Арчи. – Сохранить вот это все во взрослой жизни. Здорово будет иметь рядом с собой людей, с которыми можно разделить свои детские воспоминания.

– Да, здорово, – мечтательно повторила Лиана.

Все задумались. Наверное, об одном и том же. Молчание прервала Лиана.

– Что будем делать завтра?

– Сарпи?

– Может придумаем что-то другое?

– Давай завтра на Сарпи, а потом придумаем что-то другое. Для чего-то другого надо встать пораньше и подготовиться. А уже довольно поздно, – Арчи зевнул. – Может по домам?

– Не хочется пока, – отозвался я.

– Я тоже еще не хочу спать, – ответила Лиана.

– Как хотите, а я, пожалуй, пойду. Карду, проводишь Лиану один?

– Да, конечно.

Арчи попрощался с нами и исчез в доме.

Я был сам не свой. Остаться с Лианой наедине сейчас – все, чего я хотел, и все, чего я боялся. Мы сидели молча. Она смотрела на звезды и о чем-то думала, я любовался ее профилем, длинными волосами и пытался понять, что чувствую к ней. И насколько это серьезно. В Питере я встречался с парочкой девчонок и до этого. Ничего особенного: гуляли вместе,

целовались, ходили в кафе и кино. Я никогда не относился к этому как-то серьезно. Но я понимал, что с Лианой так нельзя. Во-первых, я знаю ее с детства, с самых ранних лет. И ее чувства, переживания важны для меня. Во-вторых, она мой друг, а я не хотел терять такого близкого друга, как она, в том случае, если что-то пойдет не так. И если все-таки что-то пойдет не так, это внесет раскол в нашу банду. В-третьих, мы будем на глазах у всех, и все будут судить меня, нас. Этого я не хотел. Надо было, конечно, все обдумать. Но как можно думать, когда она так красива?

– Ты правда хочешь стать брокером? – вдруг спросила Лиана. В ее голосе не было и намека на то, что я чувствовал в нем прежде. Показалось мне или нет? Было это или нет?

– Да, почему нет?

– Не знаю, ты раньше никогда не говорил об этом.

– Ты не спрашивала.

Она помолчала.

– А почему именно брокер?

– А почему нет? У них интересная работа: они всегда должны быть в курсе всех событий, они понимают значение этих событий, умеют их анализировать и делать выводы, рискуют, просчитывая все ходы наперед. Это занятие только для сильных. И потом, они неплохо зарабатывают.

Лиана молчала. Она больше не смотрела на меня.

– Ну а ты? Что ты выбрала.

– Увидишь, Карду. Так с чего ты начнешь?

Мы просидели так еще какое-то время, болтая ни о чем. Я больше не встретил ни того горячего ее взгляда, ни особенного тона в голосе, ни двусмысленности в словах. Лишь когда я пошел провожать ее домой, она спросила:

– Карду, а почему Лондон?

– Отец говорит, что лучше бы мне учиться в Лондоне.

Она вдруг остановилась, развернулась ко мне и просто произнесла:

– Возьмешь меня в Лондон с собой?

Сердце снова подпрыгнуло и забилось. Я не стал даже думать, что она имеет в виду. Не хочу. Мне было все равно: шутит она или нет. Мне было все равно, что подумает она обо мне.

– Возьму, – чуть слышно отозвался я.

Она улыбнулась той самой особенной улыбкой и ушла вверх по тропинке к своему дому.

Глава 5. Июль 2002 года. Батуми

Арчи тихо закрыл за собой входную дверь и бесшумно поднялся на третий этаж. Он взял одеяло из их с Карду спальни, перенес его на пол лоджии, распахнул окно и устроился поудобнее. Спать еще не хотелось. Ему просто нужно было остаться наедине с собой, со своими мыслями.

С улицы до него доносились приглушенные голоса Лианы и Карду, стрекот сверчков. Удивительно, как это там в саду Лиана озвучила вслух тот вопрос, который занимал и его, Арчи, мысли. «Кем мы будем через десять лет?» А кем они все будут? Этот вопрос тревожил его, наверное, больше других. Он все чаще задумывался о своем будущем.

Для всех вокруг был очевиден тот факт, что он, Арчи, станет футболистом. И если и не великим, то тогда рядовым хорошим футболистом грузинской или российской высшей лиги. Что уже было очень неплохо. Это означало высокий уровень дохода до поры до времени, а потом можно и в тренерство уйти. Или начать свой бизнес. Футбол открывал дорогу ко многим полезным знакомствам и позволял заработать тот стартовый капитал, с которого можно начать практически любое дело. Ну а если повезет и он станет игроком европейского клуба, это вообще означало безбедную, красивую и успешную жизнь. И Арчи знал, что все это – не пустые надежды или неосуществимые мечты. Он четко видел, что все это тут, на кончиках пальцев. Стоит только приложить усилия, еще больше усилий.

Никто не сомневался в его карьере футболиста. Никто, кроме него самого. Эти сомнения, эта неуверенность в себе так сильно одолевали его, что порой он не знал, как с ними справляться. Да, конечно, внешне он ничем не выдавал этих чувств, но все это было в нем. Оно сидело прямо под сердцем и постоянно теребило его, не давая покоя. Арчи лгал, когда говорил, что любит выходить на поле. Он этого просто терпеть не мог, ведь выход на поле означал неизвестность. Он любил уходить с поля и уходить непременно победителем. Если команда выигрывала благодаря его забитым мячам – это было отлично. Тогда все в мире казалось осуществимым: не было границ и барьеров, он был всесилен и верил в то, что будет новой звездой мирового футбола и войдет в историю, как Пеле или Марадона. В такие моменты он видел себя исключительным, особенным, тем человеком, которому подвластно все. Он был лучшим. Он был примером, был звездой. В дни победы он видел ясно и четко, что нет ничего невозможного, что любой цели можно добиться. Он планировал тренировки, думал об усилении нагрузок, о том, что еще поможет ему быстрее продвигаться к поставленной цели. В такие моменты он не чувствовал боли и усталости. Он был готов трудиться снова и снова.

Но потом наступал новый день, а вместе с ним – новые сомнения, новые страхи. Он был героем вчера – это верно. Вчера был матч, он вышел победителем, он имел право быть героем. Но сегодня все приходилось начинать сначала. Сегодня снова надо было доказать себе, что он – исключительный. На горизонте появилась новая игра, а вслед за ней – неизвестность. Вдруг эту игру он уже не сможет выиграть? Как долго он оставался талантливым футболистом в своих глазах? Ровно один вечер. Пока не наступало утро и не приходилось выходить на поле снова.

А ведь еще бывали и дни поражений. Если Арчи не мог показать себя на поле, не забивал мячи и команда проигрывала – хуже дней невозможно было и представить. Он мгновенно терял всякую веру в себя. В нем не оставалось ни капли надежды на будущее, на карьеру. Он начинал паниковать. В его голову тут же проникали мысли о том, что он самозванец: что на самом-то деле ему везло, а он сам ничего не умеет. Просто никто этого пока не заметил. Но в серьезном футболе люди заметят. Вот так просто: девяносто минут, и ты никто. Ты больше не звезда, не исключение из правил, не талантливый спортсмен. В дни поражений он бичевал себя со страшной силой.

Не любил он поражений еще и потому, что каждый проигрыш означал разочарованный взгляд отца. Отец... С футбола мысли медленно перетекли к отцу. Арчи поежился, зажмурился и глубоко вздохнул.

Отец привел его в футбол в раннем детстве. Арчи толком и не помнил, как это было. Помнил, что папа как-то сказал маме: «Мальчик должен чем-то увлекаться, чему-то посвящать свою жизнь. Думаю, надо отдавать его в футбол. Всегда мечтал иметь сына – звезду мирового футбола». Как-то так они сами за него решили, что это будет футбол. И Арчи полюбил футбол.

Отец не бывал на его матчах, не интересовался тренировками: он много работал и редко бывал дома к ужину. Но его всегда сильно волновал результат. Отец живо интересовался его прогрессом и развитием, перспективами, возможным будущим в футболе. Иногда Арчи казалось, что он для отца – всего лишь инструмент доказать, что и в воспитании сына он – лучше других. Отец всегда хвастался достижениями Арчи при своих друзьях и партнерах, им же он говорил о том, как ему повезло воспитать такого сына. Но ни разу он не сказал этого Арчи в глаза. Он никогда не выразил нежности, уважения, признания. Даже простой симпатии или похвалы Арчи не получал. А любил ли его отец? Да, конечно, любил и любит. И если рассудить рационально – отец не может его не любить. Столько сил, стараний, времени и энергии отец вкладывал в его развитие. И он по-своему переживал за сына.

Но ему, Арчи, хотелось бы другой любви от отца. Он с завистью смотрел на то, как отец Карду относится к своим детям. Вот он – искренне любил своих детей. Всегда интересовался их жизнью, всегда ласково целовал Катю, крепко обнимал Карду, с уважением жал ему руку. Он всегда интересовался их мнением, их эмоциями и чувствами. Он снисходительно относился к их слабостям, прощал им ошибки и поддерживал в минуты падений. А вот его собственный отец не допускал даже мысли о поражении. «Будь первым. Не можешь быть первым – будь лучшим», – так любил говорить его отец. Да, быть может именно поэтому Арчи и добивался всего того, чего добивался. Может быть без этого стремления угодить отцу ничего бы и не вышло. Вот только нужно было Арчи совсем не это. Ему хотелось, чтобы его любили просто так. Без побед и заслуг, без забитых голов. Любили простой и теплой любовью.

Арчи вздохнул. Так кем же он будет через десять лет? Новым Пайчадзе? Зачем он только вообще о нем вспомнил. Пайчадзе довольно рано получил травму и не мог продолжать выходить на поле. Не то что Пеле. Тот четыре раза участвовал в чемпионате мира и три из них становился чемпионом. «Арчи, кем ты будешь? Где и как ты будешь жить в 2008, 2018 году? Что судьба для тебя готовит?» – он задавал себе эти вопросы не раз. А вдруг он не сумеет оправдать ожидания других? Вдруг он просто не сможет?

Глава 6. Август 2002 года. Батуми

У меня было драгоценных четырнадцать дней в запасе. За эти две недели я должен был во что бы то ни стало выяснить, что происходит между мной и Лианой. День и ночь я не мог думать ни о чем другом. Я думал о ней, представлял нас вдвоем, мечтал о том, что могло бы быть между нами, пытался понять, какие чувства я испытываю. Лиана совершенно не облегчала мне задачу: почти всегда она вела себя как прежде, ничто не выдавало в ней интереса ко мне, если он, конечно, вообще существовал. Но порой взгляд ее черных как смоль глаз обжигал мне грудь. От такого взгляда мне становилось жарко и сладко. И длился он всего ничего – одно лишь мгновение, долю секунды. Хотя мне казалось, что время замирало и это мгновение длилось вечно. В дни, когда Лиана одаривала меня этим особенным взглядом, я не спал до утра. Как мог я спать, когда память так остро помнила огонь в ее глазах.

В эти дни Лиана захватила весь мой ум и все мое существо. Она была абсолютно особенной и исключительной. В ней было столько жизни, радости и энергии, что казалось, воздух рядом с ней пропитан счастьем. Иногда мне казалось, что каждая клеточка ее кожи излучает частичку тепла и света. Мне всегда становилось уютнее рядом с ней. В те минуты, когда она бросала свой особенный, только для меня предназначавшийся взгляд, я физически ощущал электрический импульс между нами. Воздух мгновенно менялся, в нем повисало тяжелое и томящее напряжение, сладкой истомой отдающее где-то в грудной клетке. Мне было так интересно с ней! Она, наверно, прочитала сотню книг и знала все на свете. Как много она знала о литературе, искусстве, истории и кино. Единственное, о чем она не любила рассказывать – это семья. И особенно ее отец. О нем она почти не говорила. Да я и не спрашивал – я любовался ее красотой и слушал ее нежный приятный голос.

Чувства к Лиане я держал в строгой тайне. Я был абсолютно убежден, что мне не стоит раскрывать их Арчи. От этого на душе было совсем скверно. Прежде я никогда не скрывал от Арчи ни малейшего события своей жизни. Мы делились друг с другом абсолютно всем. И этот случай – исключение из всяких правил нашего с ним общения и дружбы. Такая ситуация еще больше тяготила меня. Днем я переживал от неизвестности: разделяет ли Лиана мои чувства к ней, а ночью томился от чувства, что предаю нашу с Арчи дружбу своим молчанием. В таких настроениях и пролетели мои последние дни грузинского лета в этом году.

Наконец, случилось неизбежное – день, за которым следовал мой отъезд. Мы как обычно позавтракали в кругу семьи с бабушкой и дедушкой и отправились на встречу с друзьями. Бердиа, Ика и Лиана уже ждали нас на месте.

– Ну что, на Сарпи? Последний раз в этом году? – весело бросила Лиана вместо приветствия. Во мне все сжалось от этих слов. Последний раз. И она даже не грустила! Не было ни капли тоски или печали.

Пока мы крутили педали велосипеда до пляжа, перед моими глазами проносилось это лето. Вот мы приезжаем с родителями на Варшанидзе, 74. Вот Арчи, Лиана, Бердиа. Лиана знакомит меня впервые с Икой. Вот мы проводим первый вечер вместе и наперебой рассказываем друг другу все, что произошло за девять школьных месяцев. Мы все приятно возбуждены, еще не осознавая в полной мере, что перед нами почти два месяца свободы и радости, два месяца жаркой Грузии. Вот мы в пять утра собираемся на утреннюю рыбалку. Вот мы с Арчи не можем уснуть на террасе, смотрим на звезды и до самого рассвета болтаем о жизни, о семьях, о планах, о ценностях, обо всем самом важном и не очень. Вот мы с Бердиа сидим вдвоем на Сарпи в дождь: никто не поехал тогда с нами, и мы вдвоем сидели под моросящим дождем, смотрели на волны и говорили; говорил в основном Бердиа, а я слушал, улыбался его мечтам. Вот мы с Катей собираем в саду абрикосы. Вот бабушка с дедушкой идут рано утром с нами в город; мы покупаем много продуктов и потом все вместе готовим завтрак. Вот

Катя плещется в море и зовет меня к ней; мы дурачимся вместе, и к нам присоединяются Ика и Лиана. Вот Лиана впервые обжигает меня своим взглядом. Вот я провожаю ее до дома, а она спрашивает про Лондон.

Сегодня особенный день. Конец наших грузинских каникул – это пик нашей свободной жизни, самый эмоциональный и трогательный день за все два месяца. Он и грустный и по-своему приятный. Сегодня мы будем купаться до заката, до глубокой ночи сидеть все вместе в беседке, обсуждать планы на этот учебный год и давать друг другу разные обещания, а мы с Арчи и вовсе не будем спать – мы будем болтать до утра.

После нескольких веселых заходов в море и шумных заплывов я отправился на скалу – любоваться морем и запоминать эти счастливые минуты. Я забрался на камни, уселся поудобнее, прижал колени к подбородку и стал смотреть на горизонт, где синие-зеленые воды моря сливались с тяжелым свинцовым небом. Я не боялся обгореть, так как солнце скрылось за серыми облаками. Мою спину, еще мокрую от недавнего плавания, приятно обдувал прохладный ветер с моря. Начал капать мелкий теплый дождь. Вдруг я услышал, как булыжники скатываются вниз и с плеском падают в море из-под чьих-то ног. Я обернулся, и сердце ухнуло вниз. Лиана. Она шла по камням прямо ко мне.

– Не против? – бросила она, даже не взглянув на меня. Весь ее взгляд был сосредоточен на камнях под ногами. Забираться на скалу было неопасно, но иногда неприятно – булыжники были неровные, местами острые и при любом неосторожном движении больно кололи ноги. Лиана аккуратно прыгала с камня на камень, ее длинные мокрые волосы разметались по спине, а на ее ногах, руках и груди блестели невысохшие капельки воды. Такая гибкая и грациозная она была, даже забираясь на скалу, что я не мог отвести от нее глаз. Вот она добралась до камня, на котором я сидел, устроилась рядом, так же поджав колени к подбородку, и уставилась вдаль.

– Какие планы?

– Завтра летим в Питер. Потом через два дня в Барселону с Бердиа и нашими родителями. А потом все, школа, – я криво улыбнулся. – Конец веселью.

– И что будем делать?

Я не понял ее вопроса и немного помедлил перед ответом.

– Просто жить?

Она помолчала, ничего не ответив на мою вопросительную интонацию. Я тоже молча ждал. Она заглянула мне за спину, потом оглянулась. Мы сидели с другой стороны скалы так, что нас было видно только с моря, а не с берега. В море сейчас никого не было – все отдыхали после последнего заплыва. Вокруг совсем тихо и безлюдно. Только волны шумно и гулко накачивались на скалы. Дождь усилился, и вдалеке послышались раскаты грома.

Я не смотрел на Лиану. Неожиданно меня снова обдало жаром от осознания, что она так близко, что никто сейчас не видел нас – мы были совершенно вдвоем. Я медленно повернул голову в ее сторону. Она смотрела на меня прямым взглядом своих черных глаз. Вдруг одна ее бровь вопросительно поднялась вверх. Все во мне тут же отозвалось на этот жест.

– Так что мы будем делать? – тихо произнесла она.

– Я... – хрипло начал я. Но она не дала мне закончить. Лиана плотно прижалась своими губами к моим. Я оцепенел, потерял способность двигаться и мыслить.

– Лиана, – только и смог выдохнуть я, когда она отстранилась.

– Что мы будем с этим делать? – повторила она.

– Мы будем с этим жить. И ждать, когда увидимся снова.

Теперь уже я поцеловал ее. Долгим, медленным поцелуем. Я целовал ее и не верил, что делаю это. Лиана – подруга моего детства, близкий товарищ, а еще – самая красивая и замечательная девушка на земле. Я целовал ее, а она хотела, чтобы я ее целовал. Не могло быть большего счастья на Земле, чем просто знать это.

– А ты умеешь ждать? – спросила она сразу после поцелуя.

– Да, я умею ждать.

– Вот и посмотрим.

Я бы отдал все что угодно в тот вечер за возможность проводить Лиану домой одному. Но попросить об этом Арчи так и не отважился. Я по-прежнему не хотел открыться ему. Ведь он оставался здесь еще почти на месяц. Он будет с ней рядом, а я – нет. Я ревновал, злился и уже заранее тосковал. Разумеется, Лиану мы провожали вместе.

Возле самого ее дома она крепко обняла меня на прощание и поцеловала в щеку.

– Обещай писать и звонить мне, Курдиани! – весело крикнула она, убегая вверх к своему дому. – Я буду скучать по тебе!

Я смотрел ей вслед, пока дверь дома за ее спиной не захлопнулась. Мне хотелось позвонить ей, крикнуть ей, чтобы она вышла еще хотя бы на одну минуту, еще раз поцеловала и обняла меня. Но я не сделал этого. Уже придя домой, я отправил ей одно короткое сообщение: «Я буду ждать тебя. Не сомневайся».

На следующее утро я простился с Батуми и мы с Катей отправились в Питер. Так закончились эти грузинские каникулы и началась наша с Лианой долгая и красивая история.

Сегодня, спустя столько лет, я помню тот день так отчетливо, словно кадр из киноленты. Я вижу тонкую как тросточку Лиану, легкой поступью шагающую по гравии. Смотрю, как она закрывает за собой дверь, оставляя меня у невысокого забора наедине с большим и светлым, белым домом ее отца Иосифа Табидзе.

Глава 7. 1975 год. Батуми

– Погоди минутку! Не открывай глаза! – по его голосу Лали слышала, как Герман улыбался. Она очень любила, когда муж в таком настроении. – Лали, потерпи еще немного!

Лали понятия не имела, куда он ее вез. Сына Иосифа они оставили у бабушки в Тбилиси, а сами улетели в Батуми. По дороге из аэропорта в такси муж повязал легкий шарф ей на глаза и предупредил, что впереди ждет приятный сюрприз. Лали была замужем за Германом уже 7 лет, но этот мужчина не переставал ее удивлять. Первым же сюрпризом в их совместной истории стало то, что он сделал ей предложение выйти за него замуж. В самом этом событии, в принципе, не было ничего необычного, если не принимать во внимание тот факт, что Герман – один из самых талантливых кинорежиссеров Советского Союза и предложение он ей сделал на их первом свидании. А она – семнадцатилетняя молодая, но уже известная балерина с перспективой работы в Большом – согласилась на него сразу, не раздумывая. Так и начались их отношения – с замужества.

Жизнь с Германом была легкой и интересной. Легкой – потому что Лали никогда настоящему не любила его. Ценила – да, была бесконечно благодарна – да, получала удовольствие от общения с ним – да, восхищалась его талантом – да. Ей нравилась та жизнь, которую они вели – жизнь артистической богемы Советского Союза. Ей нравилось быть женой известного режиссера. Но настоящей искренней любви к мужу она не питала и хорошо осознавала это. Однако в этом было много плюсов. Лали никогда не ревновала Германа к поклонницам и актрисам его фильмов, не устраивала сцен, не обижалась и не плакала. На том и строилось их семейное счастье: Лали закрывала глаза на бесчисленное множество протезов мужа, а он, постоянно чувствуя вину перед такой доброй и нежной женой, осыпал ее подарками и вниманием.

– Вот мы и приехали.

Муж бережно снял шарф с ее лица. Лали пригладила густое черное каре, оправила брюки клеш, недавно привезенные Германом из московского ЦУМа, и вышла из такси. Пахло травой, знойным летом и морской солью. Перед Лали предстал низкий ступенчатый забор, за которым виднелся фруктовый сад. От самой калитки, возле которой они стояли, вверх поднималась тропинка, ведущая к большому светлому двухэтажному дому с просторными балконами. От дома веяло летней прохладой и негой. Лали смогла разглядеть небольшую террасу, качели и несколько скамеек. Что за чудесный дом! Ее брови взлетели вверх, и она перевела удивленный взгляд на Германа.

– Что это, дорогой?

– Тебе нравится?

– Он очень красив. Он... он такой большой! Такой уютный и светлый. А эти колонны, эта резьба... И какой сад!

– Ты еще не видела его внутри! Внутри он еще лучше. Но ты обставишь его сама, как пожелаешь.

– Герман, я не...

– Моя хорошая, теперь это наш летний дом. Твой, мой, Иосифа и кучи других деток, которые у нас обязательно будут. Только представь: в старости мы будем сидеть вон на той террасе, а вокруг нас будет огромная шумная семья.

Лали такие мысли пришли по душе. Она была не против большой семьи, но особенно сильно ей нравился этот дом – такой светлый, такой приветливый дом.

– Герман! Какой же это прекрасный дом! Я так счастлива.

Муж взял ее за руку, отворил калитку и повел вверх по дорожке.

– В этом саду ты будешь ходить босиком по траве, ведь твоим маленьким трудолюбивым ножкам нужен покой и отдых. Тут мы будем собирать фрукты к завтраку: в июне – груши и яблоки, в июле – абрикосы и персики, в августе – инжир, в сентябре – виноград. Мы посадим здесь любые фрукты и ягоды, которые ты пожелаешь, моя маленькая. А здесь, – Герман остановился посередине дорожки и показал рукой на огромную террасу, – мы будем завтракать и обедать.

– А ужинать?

– А на ужин мы будем спускаться к морю в ресторан.

– Мы совсем не будем ужинать дома? – шурясь на солнце, спросила Лали, радуясь все сильнее и сильнее тем картинам, которые Герман рисовал в ее голове.

– Ну конечно же будем! Летом по выходным мы будем приглашать всех наших друзей на ужин, вино и танцы.

– Герман, но мы же тут никого не знаем! – возразила Лали, хотя воображение уже рисовало эти красивые теплые июльские ночи, веселье и смех гостей, и она – хозяйка этих приемов. Возбуждение охватило все ее тело.

– Дом большой – будем приглашать важных членов партии из Тбилиси, Москвы. Ну и, конечно, мы познакомимся с соседями. Кажется, они – хорошие люди.

– Ты уже знаком с ними?

– Нет, но, видимо, мы познакомимся с ними сейчас, – Герман кивнул в сторону калитки, к которой как раз подошла грузинка лет 30–35 с маленькой девочкой. Герман помахал им рукой. Девочка тут же прижалась к ноге женщины и обхватила ее руками, но глаз не отвела, а с любопытством рассматривала Германа и Лали.

– Гамарджоба! – поздоровалась на грузинском женщина. У нее был красивый голос с едва слышной хрипотцой. – Вы наши новые соседи?

– Гамарджоба! Ваши летние соседи – это уж точно, насчет зим я не уверен, – весело отозвался Герман. – Заходите же, не стойте у ворот. Как вас зовут? Вы здесь живете?

Женщина поправила прядь каштановых волос, выбившуюся из-под легкого летнего шарфа, толкнула калитку и пошла вверх по дорожке.

– Меня зовут Тинатин Курдиани. А это, – она опустила ласковый взгляд своих темных глаз на девочку, – моя дочка Анна. Анна, поздоровайся с нашими новыми соседями.

Девочка немного выступила вперед из-за матери и тихо поздоровалась, не спуская глаз с Лали.

– Мы живем в 74-м доме: переехали сюда из Москвы. 74-й – это следующий после вашего. Мы с дочкой гуляли и увидели вас, решили зайти поздороваться. Этот дом давно пустовал.

Лали рассматривала гостей. Тинатин была одета очень просто, но дорогая ткань ее платья, золотые серьги с крупными изумрудами, летний шелковый платок на волосах выдавали в ней состоятельную грузинскую интеллигенцию. Кроме того, Тинатин была красива и очень ухожена – вряд ли ее руки касались домашней работы. Малышке на вид было не больше 7. Она продолжала с любопытством таращиться на Лали, и та подмигнула ей в ответ. Девочка удивленно моргнула, улыбнулась, но застенчиво скрылась за юбкой матери.

– Ваш муж, случайно, не известный всему советскому союзу кардиолог Карду Курдиани? – поинтересовался Герман.

Тинатин рассмеялась.

– Да, так о нем говорят.

– О! Очень рад знакомству с вами и вашей очаровательной малышкой. Меня зовут Герман Табидзе, а это – моя жена Лали. Большинство наших друзей и знакомых – пациенты вашего мужа.

– Не думала, что кино и балет так опасны для сердца, – с улыбкой ответила Тинатин.

Все рассмеялись.

– Не то слово! Мое вот, например, вообще было навсегда похищено, – Герман скосил глаза на Лали, поднял ее руку к своим губам и ласково поцеловал. Лали польстило внимание мужа, и она довольно заулыбалась. – Вижу, вы слышали о нас.

– О, конечно! Я видела ваши картины, они прекрасны. А вы, Лали, просто великолепны. Ваша Медора в «Корсаре» очень грациозна и нежна. Вам подходит эта партия.

– Благодарю вас, Тинатин. Всегда лестно слышать отзывы о своей работе, тем более такие высокие.

Тинатин улыбнулась Лали открытой и искренней улыбкой.

– Мой муж и сын вернутся из города через час. Не хотите ли заглянуть к нам на обед? Мы будем рады гостям, – предложила она.

– Большое вам спасибо! С огромным удовольствием. Мы с женой как раз осмотрим дом к этому времени и присоединимся к обеду.

– Будем вас ждать! – Тинатин подняла руку в знак прощания, взяла дочь за руку, и они удалились вниз по тропинке.

Когда Лали повернулась к мужу, он уже рассматривал дом.

– Какие милые люди, правда?

– Не просто милые, дорогая, а очень полезные. Помимо того, что ее муж действительно является одним из лучших кардиологов, как говорят, он еще и близок к партийной верхушке. Сюда в Батуми к нему на прием летает вся наша политическая элита. Я, к слову сказать, слышал, что он – крестный Мананы Шеварднадзе, дочери Эдуарда Шеварднадзе, которому прочат большое политическое будущее. Это очень полезное соседство, Лали.

Лали взглянула на мужа. Зачем он все-таки купил этот дом? Ради нее, Иосифа и, как он сам говорит, будущих детей или потому что он заранее знал соседей, знал, что сможет завести полезные знакомства тут, заручиться поддержкой нужных людей, а возможно даже снять какую-нибудь картину по заказу партии? В принципе, это ей было не важно – теперь помимо большой квартиры в Тбилиси у нее был новый роскошный дом в Батуми. Она будет прилетать на море и просто наслаждаться летом в своем собственном доме.

Однако где-то в глубине души все-таки зародилось зернышко беспокойства. Если Герман ищет поддержки у сильных мира сего, значит он не уверен в своих собственных силах. Лали давно начинала подозревать, что с талантом и способностями мужа что-то происходит. Это конечно же нельзя было назвать творческим кризисом. Возможно, просто спад, временное затишье. Но что-то явно происходило как со способностями Германа, так и с ним самим.

Карьера его развивалась стремительно. Он, едва окончив театральный Шота Руставели, стал режиссером киностудии «Грузия-фильм» и уже через несколько лет – директором этой студии. А в 27 лет, в год, когда они поженились, Герман снял фильм, который позже был удостоен специального упоминания в Каннах как «Лучший фильм с вымышленным сюжетом». И это на самом крупном западном кинофестивале! Тогда Лали так гордилась своим мужем! И еще больше гордилась тем, что такой человек, как Герман Табидзе, выбрал именно ее в спутницы жизни. Герман получал награду за наградой, повышал свой социальный статус и доход, расширял круг общения и купался в лучах славы. Однако в последнее время картины стали выходить реже, а отзывы от неистового восторга перешли в сдержанную похвалу. Критики и газеты пока не замечали этого, разве что одна-две негативные заметки да пара пересудов у них за спинами. Но Лали этого было достаточно. Она чувствовала: толика правды в этом есть.

– Лали, о чем ты думаешь?

Она улыбнулась мужу одними глазами. Гнать, гнать от себя эти мысли хотя бы сегодня! Они оба на пике славы в красивом прибрежном городе осматривают их новый белоснежный дом. Сегодня ничто не испортит ее настроение.

– О тебе, милый. О том, как мне повезло с мужем.

Они улыбнулись друг другу, но каждый – о своем.

Через час Герман и Лали уже сидели в большой беседке у дома Курдиани, который был намного больше их собственного нового дома. За столом сидели Тинатин, Карду, их 12-летний сын Акакий, или Ика, как его называли все обитатели дома, его сестренка Анна и Лаура – мать Тинатин. Блюда к столу выносила помощница по хозяйству. Лали чувствовала себя великолепно: она, звезда советского балета, и ее муж, известный кинорежиссер, сидели в 10 минутах ходьбы от своего нового роскошного дома у моря, пили сладкое красное вино в компании лучшего советского кардиолога и его семьи и наслаждались вкусной едой. Все было прекрасно в этот момент. В эту секунду она любила свою жизнь больше, чем когда бы то ни было.

– Тинатин, вы говорите, что давно здесь живете? – Лали взяла свой хрустальный фужер с вином и откинулась на прохладные подушки. Вся ее поза была такой богемной, такой расслабленной и непринужденной.

– Лали, дорогая, зови меня просто Тина. Да, мы переехали в этот дом сразу, как только родился Ика – двенадцать лет назад. Пока Карду работал в Москве, мы с Икой и моими родителями жили здесь. Карду переехал к нам только через два года, когда был благоприятный период для перехода в кардиологию Батуми. А вот Анна уже родилась здесь.

– Почему вы решили переехать именно сюда?

– Это наш родной город. Мы оба тут родились. Кроме того, тут прекрасный климат для детей. А почему вы решили переехать из Тбилиси?

– Я решил сделать жене подарок, – Герман положил свою широкую ладонь на руку Лали.

– Не думаю, что мы переедем сюда, – Лали взглянула на мужа и улыбнулась ему. – Хотя, конечно, здесь очаровательно. Думаю, мы будем приезжать сюда летом и в перерывах между работой.

– Это очень замечательно. Вам тут понравится. До моря совсем недалеко, люди очень теплые и радушные, у вас отличный участок земли. Пока дом стоял без владельцев, Ика и Анна частенько бегали туда за фруктами и ягодами, – рассмеялась Тинатин. – А у вас есть дети?

– Пока только один – Иосиф. Он сейчас в Тбилиси у бабушки.

– Как замечательно! Сколько Иосифу лет?

– Он ровесник Анне – ему шесть. Мы планируем приехать в следующий раз вместе.

– Анна, дорогая, ты слышала? Скоро у тебя появится друг Иосиф.

– Уверена, они подружатся!

Лали нравилась эта семья. В ней не было показной нежности как между ними с Германом, но складывалось ощущение прочного фундамента из взаимоуважения и любви. Кажется, Карду с женой прекрасно дополняли друг друга: строгий молчаливый 46-летний доктор и живая, общительная, мягкая хранительница очага Тинатин. Он был старше ее на 11 лет, но это не сильно бросалось в глаза – оба они выглядели очень молодо и свежо. С ними было действительно интересно. Карду был начитан и образован, он знал много из истории Советского Союза и мира, увлекательно говорил про свою работу. Тинатин же все время шутила и разбавляла интеллектуальную беседу мужа любопытными историями из жизни улицы или города, рассказывала про своих детей и годы, проведенные в Москве, живо интересовалась их с Германом работой. Обед с Курдиани был комфортным, насыщенным, веселым и по-семейному теплым. Пожалуй, у Лали еще не было таких интересных знакомых, как они. Дети производили на Лали не менее приятное впечатление, чем их родители. Ика был вежлив, сдержан и беспрекословно слушался отца, а Анна была живой, любопытной девчушкой с огромными карими глазами. Брат и сестра, оба были полной противоположностью ее собственного сына Иосифа, который не любил общения со сверстниками и всегда отдавал предпочтение книгам и одиночеству или взрослой компании. Смог бы он подружиться с Анной? Лали бы этого очень хотелось.

Пока Герман и Карду обсуждали положение дел в Тбилиси и в Грузии в целом, Лали осторожно наблюдала за обоими Курдиани. Могла ли у нее быть похожая семья? Семья, в которой

она бы нежно любила своего мужа и была бы его опорой и поддержкой, его тылом. Тинатин рассказала Лали, как познакомилась с Карду: она была анестезиологом в его отделении. Сначала они просто работали вместе, общались, узнавали друг друга. Затем стали все больше оставаться наедине и проводить время вдвоем. Тинатин, смеясь, сказала, что они с Карду полюбили друг друга головой, рационально, потому что это было «правильно». Не было у них какой-то волшебной романтики. Просто им было хорошо и интересно вдвоем. А уже потом из этого рационализма выросла настоящая теплая дружба и крепкая семья, основанная на глубокой любви. Тогда ее будущий муж подавал большие надежды, но никто и представить не мог, что он станет таким блестящим врачом и займет столь высокое положение в обществе. Лали спрашивала себя, могла бы она выйти замуж за простого кардиолога, пока еще не знаменитого и не состоятельного? Конечно же нет. Лали всегда хотелось особенной жизни. Той жизни, которой она жила сейчас.

– Когда вы планируете приехать снова? – поинтересовался Карду.

Лали посмотрела на мужа: она не имела представления о его планах. Еще сегодня утром она была хозяйкой только одной квартиры в Тбилиси, а теперь у нее есть дом у моря. Эта мысль приятно согрела.

– Мы улетаем сегодня в Тбилиси, ночным рейсом. У меня дела. Но к следующим выходным планируем вернуться снова.

– Понимаю.

– Вы знаете, с другой стороны от вашего дома, на Варшанидзе, 70, стоит дом моего друга и товарища Важи. Важа Натишвили. Может вам доводилось слышать о нем?

Герман отрицательно качнул головой.

– Важа – главный архитектор Тбилиси. Очень мудрый, глубокий человек и интересный собеседник. Вам будет о чем с ним поговорить. Как раз к выходным они собираются приехать с семьей в Батуми.

– Тоже на лето? – поинтересовался Герман.

– Неееет, – протянул Карду. – Важе исполнилось 62 года в этом году. У него сын, ровесник Ики. Важа решил, что пора на покой – растить парня. Вот и перебирается из Тбилиси в Батуми. Кто знает, Герман, может и вы с супругой и сыном когда-нибудь полностью осядете в Аджарии.

– Не скрою, Карду, такие планы у меня имеются. Мы с Лали хотим завести еще одного ребенка.

– О, это прекрасно! – вмешалась Тинатин. – Лали, ты готова оставить балет? Сколько тебе сейчас?

– Мне 24 года. Конечно, я понимаю, что второй раз я не смогу вернуться в балет после рождения ребенка – будет уже слишком поздно. Но я всегда смогу тренировать детей, заниматься педагогикой и продолжить свою карьеру в ином ключе.

По правде говоря, Лали несколько не пугали мысли расстаться с балетом. Она очень любила балет, потому что он приносил ей известность и вводил в определенные круги. Но если то же самое ей будет давать муж, то она легко могла бы расстаться с балетом и жить жизнью советской элиты.

– Да, моя жена не может представить себя без балета.

– А ты, Тинатин, чем сейчас занимаешься? У тебя сейчас есть работа? – спросила Лали.

– О, да. Моя работа – это дом, семья, муж, дети. Сейчас я занимаюсь воспитанием Ики и Анны, уходом за домом, поддержанием нашего быта. Я делаю все, чтобы мой муж мог сосредоточиться на своей работе и ни на что не отвлекаться.

– Я всегда говорю, что без моей Тинатин я бы не был тем, кто я есть сейчас. Я был бы либо выдающимся хирургом, либо хорошим отцом и мужем. Она же помогает мне быть и тем и другим, освобождая мое время для медицины и давая мне необходимую поддержку и покой.

Герман, ты наверно не поймешь меня. В кино и творчестве нужны эмоции и страсти. Они вдохновляют. А вот в изучении работы сердца нужен покой и гармония, ничто не должно отвлекать.

– Карду сейчас как раз занимается очень большим и важным исследованием, – вставила Тинатин.

– Тинатин, не надо, – мягко прервал ее Карду.

– Карду, ну что вы, так интересно! Расскажите подробнее, – попросила Лали.

– Сейчас я изучаю ГБО – гипербарическую оксигенацию, выражаясь профессиональным языком. Это применение кислорода под высоким давлением в лечебных целях. Этот метод позволит проводить сложные операции на сердце и помогать практически безнадежным пациентам. Конечно, в будущем ГБО можно будет применять и в других областях медицины, но пока я изучаю общие свойства, а также положительное влияние именно на сердце человека. Как понимаете, здесь нужна высокая концентрация на работе. И Тинатин помогает так организовать нашу жизнь, что я абсолютно ни на что не отвлекаюсь. В моей жизни есть только сердце человека и моя семья. У тебя же, наверняка, все наоборот? Для вдохновения тебе нужны страсть, эмоции, чувства? – спросил он Германа.

– Да, абсолютно верно. И в этом мне также помогает моя красавица жена.

Все рассмеялись.

– Ну что ж, предлагаю наполнить бокалы за наших прекрасных жен!

Через несколько часов Герман и Лали уже сидели в самолете на пути в Тбилиси. Дом произвел на жену именно такое впечатление, которого Герман и ожидал – она была совершенно поражена, обрадована и приятно удивлена. Как широко распахнулись ее оленьи глазки, когда она вышла из такси и впервые увидела его подарок. Герман скосил глаза на соседнее кресло и посмотрел на жену. Как же ему повезло с Лали! Она была невероятной красавицей. Красота ее не была ни роковой, ни страстной. Она была нежной и мягкой, женственной. Лали выглядела как маленькая девочка: ее лицо не покидало наивное выражение детского восторга, а хрупкая фигура балерины напоминала подростка. Глядя на Лали, никто бы и не сказал, что у нее уже взрослый шестилетний сын.

Герман нежно провел пальцем по щеке спящей жены. Какой бы прекрасной и ласковой она ни была, как бы сильно он ее ни любил, а любил он ее очень сильно, Герману все равно хотелось других женщин. Просто потому, что они существовали. Просто потому, что он был мужчиной. Он с ними встречался, флиртовал, проводил ночи, иногда влюблялся. Догадывалась ли Лали об этом? Уж во всяком случае, она никогда и виду не подавала. И этот дом – очередное признание его вины перед ней, его попытка искупить ту боль, которую возможно он ей причинял. Герман был не готов потерять жену, но и менять что-либо в своей жизни он тоже не хотел. Кроме того, Герман всегда мечтал иметь большую семью. В его мыслях в далеком будущем он – старый, глубокоуважаемый, известный режиссер, а возможно (кто знает?) и министр просвещения Грузинской ССР – всегда окружен детьми, их женами и мужьями, внуками. Рядом с ним его Лали – все такая же нежная и красивая. Они будут проводить вечера в беседке, разговаривая о жизни, былом и грядущем, науке и политике, мировой литературе и драматургии. Вот что хотел он построить. И без Лали это никак не случится.

Глава 8. 1975 год. Батуми

Семейные ужины были традицией в семье Натишвили. Ни один вечер не мог пройти без совместного ужина за большим столом. Было в этом что-то фундаментальное, прочное. Каждый вечер мать готовила вкусную еду, а Давид помогал ей накрыть на стол, расставлял красивый сервиз и хрустальные бокалы под вино. Отец ежедневно приходил к ужину без опозданий. К его приходу дом уже наполняли запахи свежеспеченного хачапури, дымящегося харчо и чего-нибудь на второе. Мать обычно весело и громко шутила, Давид улыбался и подыгрывал ей, в квартире играло радио. В таком расположении духа их и заставлял Важа по возвращении из проектного бюро или ЦК. Как бы много важных дел ни было у него, отец Давида никогда не пренебрегал этим временем в кругу их небольшой семьи. За едой отец и мать рассказывали события прошедшего дня, делились новостями и обсуждали важные решения, при этом мнение Давида обязательно внимательно выслушивалось и принималось к сведению. Это давало ему ощущение значимости, делало старше в собственных глазах.

Но сегодня день был особенный. Они и раньше часто приезжали в этот дом, в этот город. Часто ужинали на этой кухне, за этим столом. Но теперь первый раз они делали это как постоянные жители Батуми. Давид был рад переменам и знал, что отец с матерью тоже. За столом чувствовалось легкое радостное возбуждение.

– Дорогой мой, как тебе чахохбили? – обратилась к Давиду мать.

– Вай мэ, мамико! Как всегда! – было так вкусно, что Давид отвечал с полным ртом еды, не в силах оторваться от ужина.

– Важа, а ты что скажешь?

– Скажу, что ты прекрасная хозяйка и твой чахохбили тоже прекрасен. Валя, налей нам вина.

Мать взяла в руки кувшин и разлила киндзмараули по двум бокалам.

– И мне! – попросил Давид.

– Давид... – начала было мать, но отец оборвал ее.

– Пусть его! От одного глотка хорошего вина еще ничего плохого не было.

Мать принесла третий бокал и плеснула Давиду немного вина.

– Ну что ж, – начал отец, поднимая бокал. – Я прожил уже достаточно, чтобы понять, что настоящее счастье мужчина испытывает только в семье, где его любят и ждут, поддерживают и понимают. Я многое пережил и могу сказать, что жалование, должность, положение в обществе не заменят ласки и теплоты, домашнего уюта. Деньги не обнимут холодной ночью. Товарищи из трудового коллектива не пройдут с тобой огонь и воду. И потому этот бокал я поднимаю за то, чтобы в нашем новом доме всегда царили уважение, поддержка, любовь и дружба. Не важно, в каком городе мы живем, как мал или велик наш дом, важно, что мы вместе. – Все трое звонко чокнулись фужерами и осушили их до дна. Давиду вино пришлось по вкусу: сладкое, теплое, вязкое. – И запомни, Давид, самое главное в этой жизни – это семья и дружба.

– Да, отец. – Давид взглянул на отца, и ему вдруг подумалось, что на самом деле Важа уже очень стар: его когда-то черные волосы покрывала седина, лицо его раздулось и одряхлело, под глазами свисали тяжелые серые припухшие мешки, а меж бровей пролегла глубокая морщина. Отец отер ладонью пот, проступивший на лбу и на горбатом широком носу, вздохнул и потянулся за хачапури. В его черных глазах, всегда спокойных и уверенных, промелькнула грусть. Должно быть, вспомнил свою первую жену. Давид знал, что совсем давно у отца была другая жена. Она была молодая, лет 16—17, кажется, и умерла в родах. Ребенок тоже умер. Говорили, отец тогда долго не мог прийти в себя. Много лет прошло перед тем, как он встретил мать.

– Сегодня вечером мы останемся дома или пойдем к Курдиани? – поинтересовался Давид, все еще не сводя глаз с отца.

– Карду сказал, что в 72-м доме теперь живут Герман и Лали Табидзе с ребенком. Они вроде как планируют провести здесь лето.

– Тот самый Табидзе? – подняла свои густые брови мать. Ее круглое смуглое лицо еще сильнее округлилось от удивления.

– Что за Табидзе? – живо поинтересовался Давид. – Что за ребенок? Девчонка?

– Герман Табидзе – известный режиссер. Одна из его картин была представлена на Каннском фестивале. А Лали – его жена – балерина.

– Да-да, я видела ее Джульетту. Удивительно пластичная и гибкая! Такая красивая. Совсем молоденькая и выглядит как девочка.

– А между тем ее сыну уже шесть!

– Совсем маленький, – с деланным равнодушием констатировал Давид. На самом деле ему было не все равно. Давиду не хотелось принимать в свою дружбу с Икой кого-то другого. Но новенький был еще совсем сопляк, по мнению Давида, и никак не мог угрожать их дружбе с Икой. – Будет Кате с кем проводить лето.

Мать почему-то улыбнулась.

– Так мы пойдем к ним, отец?

– А ты хочешь?

– Было бы неплохо.

– Тогда пойдем. Они звали нас сегодня.

Когда уже стемнело, Давид с отцом и матерью отправились к Курдиани. У них было шумно, весело и, как всегда,людно. Большинство гостей располагались в беседке на улице, кто-то отошел в дом, пообщаться в тихой обстановке, везде бегали дети. Сразу после приветствия и знакомства с новыми соседями Табидзе Давид и Ика ушли из общей беседки в сад. Наконец они могли поговорить, разделить совместную радость от того, что Давид теперь будет жить в Батуми, что они будут ходить в одну школу, а может, и в один класс, обсудить все, о чем рассказывали друг другу в письмах весь школьный год.

– Как тебе эти Табидзе? – после долгой и радостной беседы обо всем самом важном спросил, наконец, Ика.

– Они выглядят как хорошие люди, – отец всегда учил Давида хорошо отзываться о любых людях и не выказывать неуважения. Но Табидзе Давиду и правда приглянулись. – Мать говорит, Лали – известная балерина.

– Да. Видел, какая красивая? Она очень молодая. А он – режиссер. Тоже известный.

– Ты видел его фильмы?

– Нет, но отец говорит, что он даже показывался на каком-то заграничном фестивале, и это очень почетно.

– А сын?

– Мне его только представили, и все. Ему шесть, но он выглядит намного старше. Сидит со всеми вместе в беседке. Аня пыталась с ним поиграть, но он не захотел. Серьезный такой.

– А вот и Аня. Что ты здесь делаешь, малыш?

– Ика, Ика, можно мне с вами? Мама разрешила, – Аня задыхалась от бега. Ее волосы, убранные в косу, растрепались, в платье застряли листья.

– Ты не хочешь поиграть с Иосифом? Он же твой ровесник. С ним тебе будет интереснее, чем с нами.

– Он плохой мальчишка! – выпятила нижнюю губу Аня.

– Аня, так нельзя говорить, – одернул ее брат. – С чего ты этак говоришь? Что он сделал такого нехорошего?

– Он сказал, что ему неинтересно бегать по мокрому саду с малышами, что лучше послушать взрослых.

– С малышами? – Давид и Ика рассмеялись.

– Ты же говорил, ему шесть?

– Да, он назвал меня и Надю малышами.

– А где Надя?

– Она с родителями только что ушла.

– Ну, Иосиф не хотел обидеть вас. Не расстраивайся, кроха. Лучше идем с нами. А позже мы все вместе еще раз познакомимся с Иосифом и подружмся, вот увидишь.

– Нет, не хочу, – не унималась Аня.

– Аня, так нельзя. Он тут совсем никого не знает. Он еще гость в этом городе. Представь, как ему одиноко и сложно? Ты бы лучше помогла бы завести ему друзей, сама бы с ним подружилась. Я уверен, он хороший мальчик.

– Хорошо, – потупив взгляд, тихонечко произнесла Аня. – Я попробую.

«Любой гость – от Бога», – так учил Давида отец. Не важно, кто этот гость: высокий чиновник или простой прохожий. Помочь, гостеприимно принять, подсказать, угостить, разместить на ночлег, показать город... Хороший грузин должен поступать так.

Глава 9. 1975 год. Батуми

Иосифу нравился их новый светлый дом. Здесь было просторно и тихо. У него была своя большая комната, рядом с которой был его собственный туалет и ванная. Он любил просыпаться пораньше, забираться с книжкой в кресло на нижнем балконе и ждать, когда бабушка проснется, приготовит завтрак и громко позовет его: «Иооооося!». Утром, пока весь дом спал, было так хорошо! В саду ощущалась утренняя прохлада, на траве еще лежала крупная росса, вокруг пахло абрикосами и морской солью. Было тихо-тихо, только сверчки пели свои песенки где-то глубоко в траве. Иосиф любил начинать день вот так. Он уже полюбил Батуми за возможность бывать одному, читать книжки, наслаждаться природой и часто бывать в обществе взрослых, когда родители брали его на вечера к Курдиани. В общем, дом в Батуми нравился ему много больше их квартиры в Тбилиси.

А еще ему нравилась мама в этом доме – она тут была всегда очень радостна и весела. Этого нельзя было не заметить. Даже походка у нее менялась – она словно порхала по этому дому. В Тбилиси было не так. В Тбилиси мама всегда куда-то спешила, всегда была чем-то озабочена. Но как только они садились в самолет и летели в Батуми, мама как будто бы расслаблялась, забывала обо всем и предвкушала прекрасное время в их летнем доме. Она часто говорила «наш летний дом». Когда они садились в такси, мама говорила водителю: «В аэропорт, пожалуйста. Мы летим в наш летний дом». Или в аэропорту на вопрос «куда вы летите?» она неизменно отвечала: «В Батуми. В наш летний дом». Должно быть маме здесь было действительно хорошо, ведь она так часто говорила про этот дом.

Тут он почти всегда бывал один или с бабушкой. Мама и папа нечасто приезжали сюда и оставались ненадолго. Даже если родители приезжали в Батуми, они все равно проводили большую часть времени вдвоем или в гостях. С соседскими детьми он также почти не общался – ему это не особо нравилось. Разве что иногда они завязывали с ним разговор на пляже у моря. Особенно часто заговаривала с ним маленькая Курдиани – соседская девочка Аня. Аня совсем его не интересовала – она была очень маленькая, шумная и никогда не могла усидеть на месте. Кроме того, она не читала книг, не любила учиться и была очень привязчива. Глядя на нее, Иосиф всегда думал о том, что она, будучи его ровесницей, очень сильно отличается от него самого. Почему он так сильно не любил ее? Может, потому что вокруг нее всегда было так много других детей и было так шумно? А может ли так быть, что он не любил ее, потому что завидовал ей? Ведь он никогда не был центром внимания, не заводил друзей, и она олицетворяла все то, что делают другие и чего не делает он.

Из дома раздалось привычное «Иооооооосяяя!». Иосиф выбрался из кресла и заспешил в столовую, где мама и папа уже сидели за столом, а бабушка расставляла еду. Так здорово, что сегодня можно позавтракать всем вместе, ведь мама и папа тоже прилетели на выходные. Родители как обычно разговаривали о чем-то своем и прервались, только чтобы поздороваться с ним.

– Доброе утро, сынок! – ласково сказала мама. – Иди, поцелуй меня.

– Доброе утро, – поприветствовал папа.

Иосиф поцеловал маму в щеку, поприветствовал папу и бабушку и уселся на свое место за столом. Родители вернулись к прерванной беседе.

– А как идет работа над фильмом?

– Неплохо. Очень даже неплохо!

– Милый, ты точно решил, что это должен быть именно документальный фильм?

– Да, это прекрасная идея! Как много ты знаешь документальных фильмов о грузинских футболистах?

– Ни одного, который был бы представлен на Каннском фестивале.

– Ну, милая... Не все измеряется Каннским фестивалем.

– Да, но ведь это высшая награда.

– Заграничная, не забывай этого! Нужно стремиться завоевать внимание и любовь внутри Союза.

Мама вздохнула.

– Это будет потрясающая картина! Весь Советский Союз будет смотреть мой фильм, – с энтузиазмом продолжал папа.

Иосиф завороченно слушал отца. Он ни капли не сомневался в том, что так оно и будет. Вон как папа уверен, как возбужден и увлечен своей идеей. Папа знает, что делает.

– Так почему бы не сделать его художественным? Ты так же можешь снимать фильм про своего футболиста, но это уже будет художественная картина, с интересным сюжетом и глубокой мыслью. Картина, которая поможет людям увидеть степень твоего таланта. И этот фильм нескучно будет смотреть. И потом, его также смогут отметить в Каннах.

– Это должен быть именно документальный фильм, Лали. Ну как ты не понимаешь! Он будет греметь! Ты будешь женой самого известного режиссера Советского Союза! Вот увидишь. Ты же этого хочешь, правда?

Тут мама звонко рассмеялась. Она протянулась через весь стол, обхватила папу за шею и поцеловала его в щеку. Иосиф вдруг захотел навсегда запечатлеть этот момент. Вот они все сидят, так дружно и хорошо: он, бабушка, уверенный папа и веселая, счастливая мама. Какая же красавица была его мама! Иосиф даже придумал, как он запечатлеет этот момент: он запишет это все, и пусть это останется на бумаге. А когда папа и мама уедут в Тбилиси или Москву, он будет перечитывать то, что записал, и на душе его будет так же тепло, как и сейчас.

Иосиф дождался, когда закончится завтрак, помог бабушке убрать все со стола. А потом взял бумагу и карандаш, устроился поудобнее в своем кресле на нижнем балконе и начал писать.

Глава 10. Ноябрь 2002 года. Санкт-Петербург

Вернувшись из Барселоны, я с новыми силами приступил к учебе, правда теперь мое внимание привлекали только некоторые предметы: английский язык, экономика, математика, а в свободное время я штудировал всю доступную мне литературу по фондовым рынкам, ценным бумагам, фьючерсам и опционам. Я хотел знать все. Я изучал новости, покупал экономические и политические журналы, с интересом слушал рассказы отца о работе и разговоры его друзей на вечеринках. Моя жизнь вдруг наполнилась смыслом, и каждое действие, каждый мой шаг были нацелены на осуществление мечты. Я хотел как можно скорее встать на ноги, быть независимым и успешным для того, чтобы мы с Лианой были вместе. Днем я учился, а вечера проводил за телефонными разговорами или интернет-чатами с Лианой. Учеба, фондовые рынки и Лиана – больше меня ничего не интересовало.

Мы часами разговаривали с ней по телефону. Мне было интересно все: что происходит у нее в школе, что им задают на дом, с кем она ходит гулять на выходных, в чем она одета, какие книги читает, что думает о том или ином событии. Каждый вечер я с нетерпением ждал девяти – то время, в которое мы обычно созванивались, затем бежал в комнату за телефоном, усаживался поудобнее на своем диване, обхватывал трубку и набирал заветные цифры ее номера. После первого же гудка она снимала трубку, и я понимал – она тоже ждала. «Привет, Карду», – произносили ее губы, растянутые в улыбке. Я слышал ее, я представлял эту улыбку – самую дорогую для меня улыбку. И мы начинали болтать. От ее легкого, веселого голоса мне всегда становилось теплее. «Расскажи мне, Карду, как прошел твой сегодняшний день?» – и я с радостью начинал перечислять все события прошедшего дня, стараясь не упустить ни одной детали. Мы жили жизнью друг друга, и мы знали друг о друге все. Или почти все. Лиана по-прежнему не говорила много про свою семью и избегала тем о своем отце и его работе.

Удивительно, но мне хватало ее одной. Она жила почти в трех тысячах километров от меня, но это не мешало мне любить ее. Потому что никто не мог сравниться с Лианой. Лиана была умная, начитанная, интересная, глубокая, веселая, нежная. Она была самой красивой девушкой из всех, что мне довелось встречать. А еще она, сама того не зная, дала мне цель и стимул в жизни – то, чего мне так остро не хватало и чего я так сильно искал. Она давала мне силы двигаться дальше, заряжала меня энергией и вдохновляла. Общаясь с ней, я сам чувствовал себя другим – взрослее, умнее, опытнее. Одним словом, она давала мне ощущение собственной значимости, собственной исключительности. Она расправляла крылья за моей спиной. Почему она выбрала меня? Что такого она разглядела во мне? Я и думать об этом не хотел. Главное, что она ждала меня. А я – ее.

– Лиана! Помнишь, как-то я говорил, что отец хочет отправить меня учиться в Лондон?

– Помню. Ты еще пообещал взять меня с собой.

– Отец хочет, чтобы по окончании этого учебного года я сдал экзамены и поступил в колледж. Он не хочет, чтобы в одиннадцатом классе я продолжил обучение в Лондоне.

Лиана ничего не отвечала. Я весь напрягся в ожидании ее ответа. Вдруг она заговорила, а я почувствовал веселый задор в ее голосе:

– Так значит, все-таки Лондон?

Я тихонько выдохнул с облегчением: меньше всего я хотел бы сейчас ссориться с ней.

– Ты уже все узнал? Какие предметы сдавать, куда поступать, где жить?

– Мы пока не думали об этом. Отец хочет, чтобы высшее образование я получал в Лондоне, а для этого нужно закончить колледж.

– Ну, раз так, то давай думать, в какой колледж мы поедем учиться.

– Мы?

– Ну, конечно.

Спокойная уверенность в ее голосе придала уверенности и мне. Я вдруг понял: это наш шанс жить в одном городе, видеться каждый день и проводить столько времени вместе, сколько нам пожелается. Больше не будет этих телефонных разговоров, переписок по смс, длительного ожидания встреч. Лиана всегда будет рядом со мной. Мое сердце забилося чаще. Мир мгновенно стал ярче, светлее, радостнее.

– Лиана! – в нетерпении вскричал я. – Как здорово ты все придумала! Мы будем видеться каждый день!

Она звонко рассмеялась.

– Ну, это мы еще посмотрим! Вдруг ты не сможешь сдать английский.

С той минуты все наши действия были подчинены только одному – поступлению в лондонский колледж. Я усиленно занимался день за днем, минуту за минутой, прерываясь только для того, чтобы поговорить с Лианой. И даже наши телефонные разговоры были о том, как мы продвигаемся к этой цели.

Лиана решила не говорить родителям о решении уехать в Лондон до момента, пока она не сдаст экзамены. Она не сомневалась – родители поддержат ее решение. Финансовых проблем в семье успешного писателя и сценариста Табидзе, конечно же, не было. Лиана, как впрочем и я, не видела никаких трудностей. Мы верили, что наше будущее в наших руках. И действительно, что могло нам помешать?

А пока мы мечтали, нам оставались только эти нескончаемые телефонные звонки.

Глава 11. Ноябрь 2002 года. Батуми

Лиане нравились их телефонные звонки. Во время них она испытывала чувство полета, свободы. Она могла говорить, говорить и говорить, а он внимательно слушал ее час за часом, день за днем. Ей нравилось, что появился, наконец, кто-то, кто готов ее слушать и с кем она может быть такой, какая она есть, не претворяясь. Можно было быть естественной и не надо стараться заслужить внимание, он уже давал ей это внимание и даже больше: он жаждал его отдавать всем сердцем, всей душой. Любила она эти разговоры еще и потому, что они уносили ее совсем в другой мир – мир грез и мечтаний, мир, в котором он заберет ее отсюда, в котором он возьмет за руку и приведет в свой дом, защитит и никогда не обидит. Пока он говорил, а она слушала или, наоборот, она говорила, а он слушал, ей не надо было тревожиться за отца. Тревога приходила позже: она обступала Лиану со всех сторон, стоило ей только повесить трубку.

Сегодня, когда Карду позвонил ей, она была сама не своя: за ужином папа был угрюм и все больше молчал. Мама тоже не проронила ни слова. Лиана гадала: уйдет ли он сегодня ночью? Или останется дома? Она так переживала и так волновалась, что во время звонка голос ее был неестественно прыгуч, речь – тороплива и сбивчива. Слова спешили, налетали друг на друга, толпились и обрывались прямо в середине. Воздуха в легких предательски не хватало, чтобы закончить предложение. О! Только бы он не заметил, только бы не узнал ее *такую*. Но он, казалось, не замечал, и ее это успокаивало.

Они болтали о Лондоне. Воображали, как пройдет перелет, как разместятся в кампусе, как будут ходить друг к другу в гости, как будут вместе заниматься. Представляли, как каждый из них обставит и украсит комнату в кампусе, какое постельное белье выберет, где будет стоять письменный стол и что будет висеть над ним. Еще составляли план изучения города, спорили, куда отправятся в первую очередь, что хотят посетить.

Когда разговор был окончен, Лиане было совершенно спокойно. Она разделась, легла в постель и сразу провалилась в сон. Но почти сразу проснулась вновь: внизу громко хлопнула входная дверь. «Это отец! Он уходит!» – пронеслось в голове у Лианы. Она моментально вскочила с кровати, подбежала к окну. Точно! Вот он уже закрывает за собой калитку их невысокого забора и быстрым шагом удаляется прочь.

Лиана знала, что в эту ночь, как и во все такие ночи, она не сомкнет глаз ни на минуту. Она забралась на подоконник и стала ждать. Она почувствовала, что дрожь пробивает все ее тело. Что это? Холод или страх? Спустя несколько часов она все сидела у окна, поджимая колени к себе, кутаясь в тоненькой ночной рубашке. Спать она не шла – не могла. Беспокойство мешало ей уснуть. И еще стук собственного сердца. Оно чудовищно гроыхало, и Лиане казалось, что мама слышит его в соседней комнате.

Под утро отец показался на тропинке. Она вся подобралась, словно зверек, готовившийся отразить нападение хищника. Прислушалась. Вот он вошел, скинул ботинки. Мама спустилась к отцу, и на кухне они начали разговаривать о чем-то в полголоса. Но ни слов, ни интонаций было не разобрать. Они почти никогда не повышали голоса после *того* раза, никогда больше не ссорились после *той* ночи. Тем не менее Лиана чувствовала – что-то не так. Ей показалось, что мама плачет. Или это папа? Сердце ее разрывалось от жалости, но еще больше – от тревоги. Она не знала, чего ожидать. Заснуть она смогла бы лишь тогда, когда все в доме погрузится в сон, когда и отец, и мать, без сомнения, будут спать. Вот тогда ей можно будет ни о чем не волноваться. Тогда только она будет знать, что *тот* раз не повторится.

В *тот* раз все было так же, но тогда ей было лет шесть-семь – она не помнила точно. Отец пребывал в одном из своих самых мрачных состояний. О нет, он не всегда был таким. Он умел быть и веселым, и разговорчивым, и интересным, и смешным. Но иногда на него что-то

находило, и он весь как будто погружался в молчание и тоску. Так случилось и теперь. А когда после ужина отец собрался и ушел, Лиана спросила у мамы:

– Куда пошел папа?

– Не переживай, – ответила мама, ласково глядя ее по голове. – Он прогуляется перед сном и вернется обратно.

Прошел час, а он не вернулся. Прошло два – и он не вернулся. Лиана ложилась уже было спать – но он все не возвращался. Невероятное беспокойство охватило Лиану. Все ее нутро сотрясала мелкая тихая дрожь.

Она не могла спать.

А потом на дорожке перед домом показалась фигура отца. Шел он неровно, покачиваясь, с трудом соблюдая равновесие. Вдруг Лиана услышала страшный грохот внизу – это отец долбил в дверь.

– Нана, открывай! Нанааааа.

Сердце Лианы подпрыгнуло к самому горлу, ладони вспотели, а по щеке покатились слезы. Лиана услышала, как мама босиком бросилась вниз.

Дверь с шумом распахнулась, отец заорал на весь дом:

– Чем ты занимаешься, пока я пишу? Что ты делаешь, когда я, не жалея глаз, пишу романы и эти поганые сценарии, чтобы тебе было что есть и где жить, чтобы ты и твоя дочурка щеголяли в платьях?

Лиана слышала, как мама уговаривает отца быть тише, ведь она, Лиана, спит. Зачем будить ребенка?

– А пусть твоя дочь слышит, что ты шляешься по дворам с кем попало. Мне всееее рассказали. Видели тебя с ним вдвоем! Ааааа? Что теперь ты скажешь?

– Как тебе не стыдно?! – возмутилась мать, и в ту же секунду Лиана услышала, как что-то сильно шмякнуло.

Неужели?! ... Из глаз текли беззвучные слезы.

– Ты не думаешь о том, как о твоём муже будут говорить? – рычал отец. Не думаешь, что твоего мужа не будут уважать. Тебя видели! Мне все рассказали.

Лиана слышала, как мать пыталась возражать, но снова раздался этот липкий страшный шлепок. Мама вскрикнула и заплакала.

А отец... Отец начал крушить все вокруг. Лиана не помнила в точности, как и почему он рушил их дом, она лишь слышала дикий грохот, его звериный крик, похожий на рев хищника, и мамин плач. Лиана была не в силах это вынести. Она спрыгнула с кровати, спотыкаясь и трясясь от страха, спустилась по лестнице, подбежала к отцу и замерла. Что ей делать?

– Лиана, марш в комнату! – закричала мать. – Немедленно.

Лиане стало страшно. Она увидела, как по лицу мамы из рассеченной брови стекает струйка крови.

– Мамочка! – закричала Лиана. – Папа, папа, умоляю, не бей маму. Я буду хорошо себя вести, я клянусь, клянусь, только не бей маму.

Он оттолкнул ее и прорычал:

– Иди в комнату.

Лиана не в силах была сдвинуться с места. Ноги словно вросли в паркет.

– Я сказал – быстро в комнату! Ты еще тут будешь мне перечить. Я твой отец!

Лиана почувствовала, как начинает задыхаться, а отец размахнулся со всех силы и ударил по шкафу. На шкафу висел слоник-марионетка. Эту игрушку он подарил ей как сувенир из прошлой поездки по работе в Москву. Он с любовью выбирал его, вез из другой страны и с такой нежностью подарил. Она часто играла с марионеткой, а когда заканчивала – неизменно вешала слоника на шкаф – так он ей нравился.

И вот от удара отца струны марионетки порвались, поранив ему руку в кровь, а кусочки розового слоника разлетелись в дребезги по коридору, запрыгали по полу, покатались под шкаф. Лиана онемела от ужаса. На ватных, не гнущихся от страха ногах она побежала к себе в комнату, залезла на кровать и накрылась с головой одеялом. Она не спала в ту ночь. Она плакала, что было мочи и молилась, чтобы папа не убил маму. Она думала о том, сможет ли простить его когда-нибудь, если все же убьет и как же дальше жить на свете – без мамы?

Когда в доме все стихло, она выбралась из своего убежища – посмотреть. Ей казалось, ни кусочка не осталось на месте. Разбитая посуда, разломанная мебель, капли засохшей крови на полу. И кусочки ее розового слоника, которые ей уже никогда не собрать в единое целое. Она села на пол, взяла в руки кусочки слоника и горько заплакала. Интересно, жива ли мама?

На утро отец и мать закрылись на кухне и долго разговаривали. Спустя много времени они, наконец, открыли дверь и позвали Лиану на кухню.

– Лиана, – мягко спросила ее мама. – Скажи, ты хочешь, чтобы папа жил с нами? Или лучше без него?

Щеки Лианы запылали. Как могла она, как могли они заставлять ее отвечать на такой вопрос? Она подняла глаза на отца – тот молча ждал. Ну как же несправедливо было ждать от нее ответа! Что могла она сказать? Нет, нет и нет, она больше не хотела жить с папой, ведь жить рядом с ним, значит постоянно опасаться того зверя, что может выскочить из него в любую секунду. Но как может она сказать такое вслух? Что если папа перестанет любить ее после этого и никогда больше не захочешь увидеть? Что если мама будет несчастна без папы? Что если от ее ответа зависит их – ее мамы и ее папы – счастье?

– С папой, – тихо ответила Лиана, не поднимая глаз.

Нет, мама и папа больше никогда не повышали голоса. Никогда не ругались громко и никогда не устраивали сцен. Но Лиана, казалось, на всю жизнь запомнила ту ночь. Ночь, полную ужаса и страха, ночь, когда она поняла: здесь она не в безопасности.

Глава 12. Ноябрь 2002 года. Батуми

Нана лежала в постели и смотрела в потолок. В доме было настолько тихо, что ей казалось, будто она слышала удары собственного сердца. Дочь Лиана давно спала в своей комнате, мужа Иосифа еще не было дома. Она перевела взгляд на настенные часы. Четверть четвертого. Нана обхватила себя руками, пытаясь успокоить. Все тело ее пронзал холодный липкий страх.

Где мог быть сейчас Иосиф? Она звонила ему в одиннадцать, затем снова в двенадцать, затем в час, а потом перестала. В такие дни муж не брал трубку. Это был очередной период депрессии, случавшейся с ним всегда после особенно бурного периода яркого эмоционального возбуждения. Последние несколько дней муж почти не выходил из своего кабинета. Он даже спал там на маленьком диване у письменного стола, укрывшись халатом или чем-то еще. Нана знала, что он работал и не хотел отрываться, что это очередной прилив вдохновения, что именно сейчас под ударами его пальцев по клавиатуре рождается новый роман. Но также Нана знала и другое: Иосифа накрывает волна черной депрессии, захватывает и тянет за собой в мрачную бездну безысходности и отчаяния. Она знала это по его хмурому молчанию и посеревавшему взгляду, замеченному ею в те редкие минуты, когда Иосиф спускался в кухню поесть.

Сегодня он также спустился вниз около десяти часов вечера. Она скользнула из своей комнаты за ним, думая, что муж пойдет на кухню. Но он широким шагом пересек гостиную, быстро накинул куртку и вышел из дома. Она бросилась за ним, но успела увидеть только, как его высокая фигура скрылась за небольшим забором из камня.

– Иосиф! Иосиф!

Напрасно она пыталась позвать его: муж не обернулся. Слышал ли он ее?

Тогда Нана вернулась в дом и стала ждать. Как ждала она его все 17 лет их совместной жизни.

Нана перевернулась на бок и тяжело вздохнула. Главное перестать нервничать. С Иосифом ничего плохого не случится. Не случалось же раньше? Вот и сейчас обойдется.

О том, что Иосиф страдает маниакально-депрессивным расстройством, Нана догадалась через несколько месяцев после знакомства с ним. В день, когда она впервые его увидела, Иосиф был очень приветлив, весел, общителен и интересен. Он предстал перед ней как человек редкого интеллекта и воспитания: харизматичный, обходительный интеллектуал с исключительным чувством юмора. Рассказами об истории и политике, необычными фактами и их интерпретацией он увлекал ее в свой удивительный мир, открывал новые горизонты и расширял кругозор. Вниманием и обходительностью он пленил ее юное сердце. Она вся трепетала под взглядом его глубоких карих глаз, тонула в его обаянии.

Но со временем пришлось познать и другую сторону ее возлюбленного. То был невнимательный и грубый человек, по большей части пребывавший в мрачном молчании. Очевидно, он понимал всю степень контраста, которую представлял собой, а потому в тяжелый период старался избегать Наны. Тогда они не виделись неделями. Но если вдруг им случалось встретиться посреди его депрессии, то Нана сполна ощущала ее влияние на Иосифа. Он часто злился без повода, раздражался по пустякам или замыкался в себе. Это были словно два разных человека: светлый и темный, радостный и мрачный, общительный и замкнутый, любимый и отталкивающий. С первым она была безоговорочно счастлива. Осознав это однажды, она приняла его всего. Приняла со всеми недостатками, с переменами настроения, с депрессиями и замкнутостью. А приняв, она полюбила всем сердцем.

Итак, Нана смирилась. Дальнейшее было лишь вопросом знаний. Она читала все, что могла найти о недуге Иосифа. Медицинские справочники, газетные статьи, мнения врачей. Нана искала способ облегчить жизнь как свою, так и мужа. И это оказалось очень непросто.

Расслабиться Нана не могла практически никогда, потому как просто не знала, чего ожидать от мужа. Даже самый светлый и радостный день мог превратиться в начало депрессии.

А затем родилась Лиана. Тогда Нане пришлось балансировать между мужем и дочкой. Она научилась поддерживать хорошее расположение мужа и его настроение как можно дольше, но еще лучше она научилась скрывать от Лианы его недуг. Их семья казалась счастливой и прочной. Но с каждым годом держаться Нане становилось все сложнее. В ней нарастало напряжение и копился стресс. Иногда ей казалось, что вот-вот и силы покинут ее. Что она не сможет продолжать. Но до тех пор, пока любовь к мужу жива, сил все время оказывалось достаточно, чтобы прожить еще один день, и еще, и еще.

Тихо скрипнула входная дверь. Сердце Наны заколотилось как бешенное, страх сильнее сковал ее сердце. Она усилием воли заставила себя покинуть кровать и спуститься по лестнице.

Нана увидела, как Иосиф тихонько разулся, стараясь не сильно шуметь, прошел на кухню и тяжело опустился на стул. Руки его беспомощно свесились. Сгорбленный, он сидел и смотрел в пустоту прямо перед собой, как вдруг уронил голову на грудь, и до чуткого слуха Наны донеслись его горькие рыдания. Сердце ее заныло от жалости и страха. Не раздумывая, Нана бросилась к мужу, упала перед ним на колени, обхватила голову своими руками и принялась ласково гладить его черные жесткие волосы.

– Милый мой, дорогой, что случилось?

Рыдания теперь сотрясали все его тело. Его пальцы дрожали, красивые губы искривились в жалкой гримасе, временами он задыхался и давился собственными слезами. Она успокаивала и ласкала его, обнимала и целовала. Наконец, сердце Наны не выдержало.

– Скажи же хоть что-то! Я не могу сидеть и видеть тебя таким. Пощади же меня.

– Я – ничтожество, Нана, – тихо выдавил из себя Иосиф. – Я безответственный отец и бессовестный муж. Я недостоин вас с Лианой.

– Иосиф, не говори так. Все это глупая ложь, ты и сам знаешь. Мы любим и ценим тебя. Ты наша опора. Мы знаем, как много ты работаешь, чтобы мы ни в чем не нуждались и как тяжело приходится тебе.

– Ты не понимаешь... Ты не знаешь, что я наделал.

– Так расскажи же мне!

– Ты будешь презирать меня, ты уйдешь от меня. Лиана перестанет меня любить, – весь он снова задрожал.

Только теперь Нана увидела. Он был пьян. От Иосифа исходил запах сигарет, алкоголя и порока. Он весь был растрепан. Волосы спутаны, рубашка расстегнута и сильно измята. И вдруг она ахнула.

– Где твои часы, Иосиф?

Муж не придавал значения вещам, считал – что это просто материальный объект. Но часы были для него исключением. Классические Breget из белого золота. Он купил себе эти часы, когда один из его романов получил первый серьезный успех. Это был долгожданный подарок за труды. Это была память о первой победе и начале долгого пути писателя. С часами Иосиф не расставался никогда.

– Я буду любить тебя, чтобы ни произошло. Ты можешь мне все рассказать, – тихо прошептала Нана, глядя мужу прямо в глаза.

Нана видела, как больно было мужу, как он мучился в эту минуту. Видела, как сожаление и раскаяние раздирают его душу. Она слишком хорошо его знала. Как хотелось ей утешить Иосифа, пролить лечебный бальзам своей нежности на его раны и снять терзающие муки.

– Я был в казино. И я... я проиграл.

– Милый, ну вот видишь. Все хорошо. Мы все это решим. Это нестрашно, – она говорила тихо, вкрадчиво, ласково, а в это время ледяной холод уже разливался по ее телу и страх сжимал горло своими мерзкими липкими пальцами. – Как много ты проиграл?

– Сто семьдесят тысяч долларов. И часы.

Это было целое состояние.

Глава 13. Апрель 1979 года. Тбилиси

Сердце Иосифа стучало так сильно, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Он уже давно сидел в своей комнате, заперев плотно дверь, и слушал, как скандалят родители. Скандалы теперь случались все чаще и чаще. Они начались сразу, как вышел папин документальный фильм. Фильм не имел того успеха, которого все от него ждали. Но больше всего разочаровалась мама. Сначала это были небольшие ссоры по пустякам. Мама расстраивалась и плакала, говорила папе, что он не оправдал ее надежд, что ему нужно больше работать над стилем, что она обеспокоена будущим их семьи и что если так пойдет и дальше, то им будет просто не на что жить. Затем папа стал отвечать на ее слезы криками и срывами. Ссоры постепенно перерастали в скандалы. Иосиф уже и не помнил, как это – жить без постоянных скандалов, ссор, упреков и плача.

Обычно Иосиф старался отвлечься, не слышать того, что происходило за стеной, и просто писал, полностью концентрируясь на своих рассказах. Собственные рассказы уносили его прочь от этой действительности, в которой мама расстраивалась, а отец злился на себя за то, что подводил семью, и на маму за то, что она не поддерживала его. Однако в этот раз Иосиф просто не мог взять карандаш: руки его дрожали, ладони потели, и он чувствовал, как учащается его пульс, дыхание становится прерывистым, как гулко сердце бьется где-то в груди. Иосиф весь поджался, как кролик, и дрожал мелкой дрожью. Ему было по-настоящему страшно. Он боялся, что родители снова начнут драться, что отец не рассчитает силы и причинит матери серьезный вред. Но больше всего он боялся, что мама уйдет. Он так сильно любил ее, так нуждался в ней, а она так редко одаряла его своей лаской и вниманием в ответ. Что же будет, если мама уйдет совсем? Заберет ли она его с собой? Позволит ли видаться с отцом? В том, что рано или поздно мама уйдет, Иосиф совсем не сомневался. Он даже иногда страстно желал этого: только бы скандалы стихли. Вот так он и жил – то боясь, что мама уйдет, то желая этого больше всего на свете.

– Сначала этот идиотский документальный фильм, который с треском провалился, теперь еще это!

– Он не провалился!

– Не провалился? Да его никто и смотреть-то не стал. Тебя поддержали только твои партийные друзья. А точнее собутыльники!

– Лали, аккуратно! Думай, что ты говоришь и о ком ты это говоришь! Их поддержки вполне достаточно.

– Более объективная публика не заинтересовалась твоим фильмом.

– Более объективная? О чем ты?

– Знаешь, Герман, есть в мире страны, где искусство ценится само по себе, а не в связи с политической идеологией.

– Да о чем ты?!

– Твой фильм был хоть как-то поддержан только потому, что он идеологически правильный! Не более того! В мире он никому неинтересен!

– Ты все еще про свои Канны! И что с того, Лали? Свет клином сошелся на этих Каннах?

– Нет, но ты обещал мне другую жизнь!

– Ты плохо живешь?

– А я не знаю, что будет завтра после выходки это жалкой актриски!

– Лали, замолчи!

– Будешь ее защищать?

Отец молчал.

– И это накануне твоей новой премьеры! Я так ждала этот фильм! Так ждала его триумфа! Ты обещал мне успех! Ты говорил мне, что этот новый фильм уж наверняка будет настоящим шедевром. Я мало терпела твоих шлюх?

– Лали!!!

– Что Лали, что? А ты думал, я слепая? Ты думал, все эти годы я ничего не замечала? Но это уже перебор, Герман! Ты спишь с актрисой, играющей главную роль в твоём фильме. И все бы ничего, но эта гадина лично распространяет листовки и призывает выйти на демонстрацию!

Иосиф знал о том, что происходило сейчас в Грузии, в основном из разговоров взрослых и имел представление, о каких листовках идет речь. Он слышал о том, что в университетах многие курсы преподают на русском языке, и это вызывает определенное недовольство. Слышал он также и о том, что официальным языком республики, возможно, станет русский. Такие разговоры ходили. Отец говорил, что большинство его друзей, представлявших грузинскую политическую элиту, настроены враждебно к этой мере и собираются бороться против нее, начав с демонстрации протеста. Иногда Иосиф слышал и другие слова кроме «демонстрации». Многие теперь опасались, что Москва крайне негативно отреагирует на происходящее, и боялись последствий.

– Тебя больше всего волнует не то, что я с ней сплю, а то, что она организует протестные демонстрации? – отец зло рассмеялся. – Скажи же, Лали? В тебе нет ни капли ревности! Ни капли задетого чувства! Только страх, верно?

– А ты не подумал о нашем будущем? Ты не подумал о том, во что может вылиться эта демонстрация, чем она может закончиться, как Москва отреагирует на это на все? И как это скажется на тебе, судьбе твоих фильмов и твоей семье?

– Лали, мои друзья в партии...

– Твои друзья в партии сами не знают, на что идут! Никто не знает, чем все это может обернуться! Неужели ты веришь в то, что Москва пойдет на уступки?

– С каких это пор тебя стали интересовать партийные дела и судьба грузинского языка? С каких пор ты стала разбираться в политике?

– С тех самых пор, как любовница моего мужа начала принимать в них активное участие.

– Это твои московские друзья, к которым ты стала так часто летать, научили тебя?

– Я переживаю за свою жизнь!

– Довольно, Лали.

– Довольно? Довольно?! И это все, что ты можешь мне сказать?

– Что ты хочешь услышать от меня, Лали?

– Я выходила замуж за успешного талантливого режиссера.

– Что же поменялось с тех пор?

– Талант. Куда он делся, Герман?

На кухне раздался страшный грохот и звуки бьющегося стекла. На мгновение крики стихли. Этого сердце Иосифа выдержать не смогло. А вдруг отец убил мать? Или это она выхватила нож и...

– Мапочка, перестаньте, – с диким криком бросился он на кухню.

– Не вмешивайся, – рявкнул отец. – Возвращайся в комнату.

– Папа, – начал было Иосиф, но, встретив взгляд отца, не решился продолжить.

Перед тем как уйти из кухни, его внимательные глаза успели вырвать из картины общего хаоса перевернутый посудный шкаф, разбросанные по полу осколки тарелок, чашек, блюдца и маму, отвернувшуюся к окну и не смотрящую на него.

– Ступай, Иосиф, – уже чуть спокойнее ответил отец.

Иосиф послушно отправился в комнату. Однако на этот раз он плотнее прижался к стене, чтобы слышать все, что будет сказано отцом и матерью дальше. Отец говорил намного тише и спокойнее.

– Лали, послушай меня. Я говорил, что люблю тебя. Ты одна имеешь для меня значение. Для меня важна ты, Иосиф, семья. Да, я виноват перед тобой. Перед вами обоими. Позволь мне все исправить. И... и эта женщина не причинит вреда ни мне, ни моему фильму, ни моей семье. Я обещаю тебе, что этот фильм перевернет весь кинематограф и будет не просто упомянут на Каннском фестивале, а удостоится награды.

Мама ничего не отвечала.

«Скажи же хоть что-то, мамочка. Прости папу, он так любит тебя».

– Лали?

– Герман, я устала, – наконец тихо произнесла Лали. – Я просто хочу, чтобы все было как раньше.

– Прошу тебя, давай все забудем. Осталось совсем немного до окончания работ над фильмом. Бери Иосифа, летите в Батуми, а я прилечу следом, и мы вместе будем ждать выхода моего фильма в нашем доме. Умоляю, Лали.

Мама опять молчала.

– Ну скажи же что-нибудь, Лали.

– А как же школа?

– Я тебя умоляю, Иосиф лучший ученик. Он наперед знает программу этого класса. Пару недель в Батуми ему не повредит. Кроме того, он очень любит Батуми.

– Я отправлю Иосифа с бабушкой в Батуми, – начала мама и замолчала.

– А ты?

– А я хочу некоторое время побыть одна. Я полечу в Москву.

Сердце Иосифа снова заколотилось с удвоенной скоростью. Он понятия не имел, что это означало. Он только понимал, что так не должно быть, что это не обычная история, что раньше так не было и что последствия могли быть самыми непредсказуемыми.

– В Москву? Опять, Лали? Что значат эти твои постоянные поездки в Москву? – растерянно произнес отец.

– Я же сказала, я хочу побыть одна, Герман.

Через пару дней Иосиф с бабушкой прилетели в Батуми. Накануне вечером мама простилась с ними и обещала скоро приехать. Иосиф не знал, полетит она в Москву или все же останется с отцом в Тбилиси, но не решался спросить. Эта неопределенность и неизвестность тревожила его. Ему было так беспокойно, что даже солёный воздух прибрежного Батуми, запахи и звуки любимого летнего дома не могли отвлечь его от этих переживаний. Как мог он отвлекаться на море, солнце, сад и вкусные бабушкины завтраки, когда мама так несчастна и так далеко? А вдруг он вообще больше никогда не увидит маму?

Вечером Иосиф открыл листок, написанный им четыре года назад и бережно хранимый все это время. На этом листке навсегда сохранился тот завтрак, где мама и папа были счастливы, любили друг друга и не ссорились.

Он аккуратно развернул сложенную вчетверо бумагу и стал перечитывать строчки, старательно выведенные его рукой. Воспоминания и образы лезли в голову, толпились и нагромождались одно на другое. Вот Иосиф смеется, вот мама ласково его целует, вот папа с любовью смотрит на маму... То были самые счастливые, светлые дни, до краев наполненные любовью, радостью, весельем и легкостью. Как же невыносимо больно осознавать, что так больше не будет. Не будет никогда! И Иосиф так бессилен. Ничтожно абсолютно бессилен. К горлу подступил ком, в глазах защипало. Он все читал и просил Бога, если тот только есть, чтобы все

было как раньше. Он умолял Бога вернуть покой в дом, а взамен обещал очень-очень хорошо себя вести.

Иосиф так сильно старался хоть что-то изменить! Но Бог не слышал его. Богу было мало его стараний. Он не давал этим страшным скандалам прекратиться, не давал высохнуть слезам мамы и не давал успеха отцу. Чего же ему нужно было еще? Иосиф упал на колени посреди своей комнаты в летнем доме: «Господи, молю тебя, возьми у меня что хочешь – я отдам тебе все. Только пусть мама и папа снова полюбят друг друга». Теперь лицо Иосифа заливали слезы, струящиеся из глаз, тело его сотрясали судорожные рыдания, в подушечках пальцев сильно кололо и губы сводила судорога. «Молю тебя, сделай же что-нибудь!».

Так раз за разом Иосиф доводил себя до иступления. Ему казалось, что если он сильно попросит и если только Бог существует, то все возможно. Кто знает, может быть даже возможно снова вернуться в тот завтрак.

Глава 14. Декабрь 2002 года. Батуми

Вокруг была настоящая зимняя сказка. Город преобразился так, что его едва можно было узнать. Как будто кто-то нарочно выкрасил его сине-белым цветом. Ветер гнал темные сапфировые волны к заснеженному берегу. Они спешили, волновались, насакивали друг на друга и разбивались белой пеной по мокрому песку. пышные сугробы надежно укрыли набережную и тротуары. Под тяжестью снежных шапок пальмы гнули свои лапы-листья к земле. Многоэтажные высотки и низенькие ресторанчики, машины и автобусы – все было запорошено серебристыми искрами. Вдали возвышались могучие горные хребты, раскрашенные белым. В воздухе пахло мандаринами и выпечкой. Не было здесь пестрых ляписных украшений, новогодней суеты и спешки. Но со всех сторон, в каждом уголке витал дух наступающего праздника. Волшебное настроение целиком окутало город.

Новый год по традиции мы отмечали в Батуми. Каждый год мы все собирались под крышей большого гостеприимного дома дедушки Карду и бабушки Тинатин. В доме этом неизменно царила атмосфера душевного тепла и умиротворения. Сюда все приезжали без исключения: папа с мамой и мы с Катей, тетя Аня с мужем Михаилом и Арчи. Каждый незаметно старался положить свои подарки под елку, и с каждым днем подарков становилось все больше. Эти несколько праздничных дней мы проводили за разговорами, прогулками, застольями, приемом и посещением гостей.

Арчи с семьей еще не приехали, и первый вечер в Батуми мы провели за ужином узким кругом. На следующий день я отправился на прогулку с Лианой. Так волнительно и радостно было встретиться теперь.

Мы бродили по городу и разговаривали. Слова так и лились из нас без остановки, и казалось, им не будет конца. Мы не могли наговориться, насмотреться друг другу в глаза, насытиться друг другом. Лиана была здесь, рядом, подле меня, но мне все равно было мало ее.

– Мы гуляем уже три часа, – неожиданно выдала Лиана.

– И правда, – смущенно улыбнулся я. – Ты не замерзла?

– Я очень замерзла и очень устала. Кроме того, уже смеркается. Пойдем к нам домой. Мама угостит нас горячим чаем.

Бывать дома у Лианы мне, разумеется, доводилось и раньше. Я любил их большой светлый дом, нравилась мне и мама Лианы – Нана. Нана была тихой, кроткой грузинкой с невыразительными чертами лица и черными как смоль волосами. Она не была красивой и не казалась мне привлекательной, но мягкость ее черт, кротость взгляда и тихий нежный голос делали Нану очаровательной.

Я часто удивлялся, как у такой скромной и сдержанной женщины, как Нана, выросла такая непокорная дочь. Лиана во всем была полной противоположностью матери. Яркая, необычайной красоты внешность ее никого не оставляла равнодушным. Но ни столько красотой, сколько силой характера привлекала она людей. То была смелая, решительная молодая девушка, знающая, чего она хочет и как это получить. Все в ней было свидетельством силы и мужества.

Вероятно, что характер свой Лиана унаследовала от отца. Но знать этого наверняка я не мог, так как нечасто видел его и совсем мало был с ним знаком. Лиана же об отце говорила мало и все больше про книги.

Лиана толкнула тяжелую дверь, и мы вошли в дом. Везде было тихо. Прихожая и гостиная соединялись лишь арочным сводом, а потому я без труда разглядел пышную елку в углу. Вся она была украшена новогодними игрушками: большими и совсем крошечными шарами, стеклянными хрупкими капельками, ажурными снежинками и различными фигурками животных и героев мультфильмов. Огоньки на ней не мигали. Кто же выключит гирлянду на елке

в Новый год, если он дома? Я искоса взглянул на Лиану. Та спокойно стягивала с себя сапоги и зимнюю куртку.

– Ну что стоишь, – спросила она. – Раздевайся, будем пить чай.

Лиана быстро скользнула на кухню, поставила чайник и прошла в зал. Не зажигая общий свет в комнате, она включила только огоньки на елке. Комната тут же заиграла яркими цветами. Мягкий свет разноцветных огней отражался в шарах и капельках, сиял на снежинках. Приятный отсвет упал на пол и стены. Ветки и шарики отбросили тени. В комнате сразу стало уютно и радостно.

– Где твои родители? – спросил я, входя за Лианой в гостиную.

– Наверно куда-то уехали, – легко пожала плечами Лиана. – Садись в кресло. Я принесу нам горячий чай.

Как только она скрылась в арке, я направился к книжному шкафу и начал рассматривать его содержимое. Классическая литература здесь соседствовала с современной прозой, Достоевский расположился между Сартром и Сенкевичем, история, литература, философия – здесь было все. Вдруг взгляд мой упал на темно-коричневый переплет с бронзовыми буквами сбоку: «И. Г. Табидзе. Бездна». Я открыл книгу и начал читать.

– Что ты делаешь? – раздался едва слышный голос Лианы за моей спиной.

Сколько я читал? Пять минут или пятнадцать? Время совсем потеряло свой счет. Я захлопнул книгу, поставил ее на место и обернулся. В дверном проеме стояла Лиана. В полумраке и отблеске ярких елочных огней я видел только ее изящный силуэт. Она сменила теплые брюки и шерстяной свитер на легкое тонкое платье и распустила волосы. Я не мог видеть выражения ее глаз, но я знал – она пристально смотрит на меня не мигая.

Она сделала шаг. Под тяжестью ее шагов скрипнул паркет. Лиана замерла на миг, как бы раздумывая, но тут же медленно пошла ко мне. Я стоял и смотрел, не в силах ни пошевелиться, ни сказать что-либо. Я не мог оторвать глаз от воздушного платья, перетянутого черным шелком на талии. Лиана приблизилась ко мне настолько, что я уже мог чувствовать запах ее кожи и волос. Вдруг она закрыла глаза, и влажные губы ее коснулись моих. Сладкая истома горячей волной прошла через все мое тело, и я прижал ее так крепко, как только мог. Мне казалось, я чувствовал пульс ее, слышал биение ее сердца. Все мое нежное чувство к Лиане, все эти месяцы ожидания и тоски, всю любовь мою я вложил в этот долгий нежный поцелуй.

– Лиана, – я тихонько отстранил ее от себя, чтобы заглянуть в глаза.

Какой хрупкой и нежной она мне казалась теперь. Никогда прежде Лиана не была столь беззащитной, столь милой, как теперь в моих руках. Смущенный взгляд из-под опущенных ресниц, невесомое платье, шелк длинных распущенных волос на плечах.

– Лиана, – тихо позвал я еще раз. – Я хочу, чтобы ты знала. Это – навсегда. Я обещаю.

Она едва заметно кивнула. Я потянул темный пояс, и он упал к ее ногам. Я нежно прикасался губами к ее тонкой шее, хрупким ключицам, смуглым плечам. Она гладила мои волосы, и все ее тело горело под моими ладонями. Вот платье беззвучно скользнуло на пол. Я, не в силах больше ждать, сорвал с себя одежду и крепко-крепко прижал ее обнаженное тело к себе. И вдруг среди страсти и одолевавшего меня желания я услышал ее доверчивый тихий шепот:

– Я доверяю тебе.

И я крепче прижал ее к себе.

То был день безоблачного счастья. День без тени, без сомнения, без печали. Это позже она будет штурмовать его обещание, проверять на прочность год за годом, потому что какая-то ее часть так и не поверит ему. Она будет делать это неосознанно, но все равно будет. Как бы она ни хотела поверить ему, как бы ни уговаривала себя, что верит, она все равно будет считать, что ничего у них не выйдет, что рано или поздно он наконец увидит ее *такую*, узнает ее

на самом деле, а когда узнает, то непременно устанет от нее, перестанет слушать, восхищаться ей, перестанет любить. А перестав любить – возненавидит.

Но это все впереди. А сегодня их счастье было абсолютным.

Глава 15. Декабрь 2002 года. Батуми

Нана и Иосиф отправились в центр за подарками и покупками к Новому году. Праздник в этом году будет скромный. Родители Наны не смогли приехать к ним на Новый год, так как отец сильно простудился, плохо себя чувствовал и лежал с высокой температурой. Угрозы его жизни не было, но дорогу он бы не осилил. Отец Иосифа никогда не навещал их, к нему они поедут сами сразу после Нового года. Лиана очень любила бабушку и всегда с удовольствием навещала его в Тбилиси.

Покупки не доставляли Нане того удовольствия, которое она обычно испытывала, покупая подарки. Они еще не вполне оправались от того удара, который нанес их материальному положению проигрыш Иосифа. Долгов он не сделал – деньги, что были проиграны в казано, были их собственными накоплениями. Но новый гонорар за работу Иосиф должен был получить только летом, а пока им пришлось ужаться в расходах и жить на оставшиеся накопления и ее зарплату. Нана знала, что если ничего серьезного не произойдет, они продержатся до следующего гонорара. Но экономить все равно приходилось.

Не испытывала она радости еще и из-за настроения Иосифа. Из затяжной депрессии он вроде бы вышел, но в радостное состояние пока еще не пришел. С тех пор, как он проиграл в казино, она ни разу не видела мужа веселящимся или радующимся чему-нибудь. Он все время оставался задумчив и молчалив. Нана догадывалась, что мужа съедает чувство вины и раскаяния. Она так старалась развеять его тоску. Она не жаловалась и не роптала на потерю денег. Следующего гонорара хватит сполна, чтобы вернуть их положение. Поэтому она как умела поддерживала мужа. Лиане она и вовсе ничего не сказала, так как понимала, что для Иосифа было бы большим ударом открыть дочери свои пороки.

Неожиданно Нане пришла в голову мысль. А любит ли она все еще Иосифа? И тут же прогнала ее прочь. Конечно же любит. Выбирая его, она точно знала, что ей придется нелегко. Но жена – опора и поддержка мужа во всем. А значит и любить его она должна всегда: в светлые времена и в темные. Мама часто говорила Нане, что у женщины должен быть один мужчина и на всю жизнь. И никак иначе свою жизнь Нана и не видела: в ее жизни был только Иосиф.

Глава 16. Декабрь 2002 года. Батуми

Я посмотрел на Лиану. Она мирно лежала в моих руках. Я обнял и крепче прижал ее к себе.

– Лиана.

– Да, Карду?

– Я люблю тебя.

Лиана повернулась ко мне, и я увидел довольную улыбку на губах.

– Давай уже пить чай, – только и ответила она, весело смеясь.

Мне нравилось наблюдать за ней на кухне: как она ставит чайник, как ищет кружки, раскладывает по тарелкам печенья, как разливает чай. Я ловил каждое ее движение, и все в ней меня очаровывало.

– Когда ты улетаешь обратно в Питер?

– После Рождества, седьмого января.

– Я уеду раньше, к дедушке Герману в Тбилиси.

– У вас такой большой дом, почему вы не перевезете его сюда? Ему бы не было так одиноко в пустой тбилисской квартире, да и климат для здоровья тут куда лучше. Море все-таки.

– Дедушка ненавидит этот дом, – буднично ответила Лиана.

– Правда? Почему?

Лиана пожала плечами.

– Не то чтобы я знала подробности. Просто дедушка говорит, что с этим домом связаны самые печальные воспоминания в его жизни. Он не любит говорить об этом. Он до сих пор не может перенести, что так и не стал великим режиссером.

– Не смог стать? Ты шутишь? Он снял много фильмов. И вот этот еще, ну тот, что был упомянут на Каннском фестивале...

– Не упомянут, а удостоен специальным упоминанием, – поправила меня Лиана. – Так-то оно так, но это только одна картина. По-настоящему хорошей, можно сказать великой, картины он так и не создал. Не смог. И сейчас он не известный режиссер, а всеми забытый пенсионер в своей маленькой квартире в Тбилиси.

– А бабушка? Ты никогда не рассказывала о ней.

Лиана вздохнула, глядя в чашку с ароматным душистым чаем.

– Хотела бы я знать, Карду. Дедушка был женат на балерине Лали Табидзе. Ты не поверишь, но это практически все, что мне известно о ней. Папа не рассказывает о ней. Да и в целом, у нас в семье не принято о ней упоминать. И мама просила не расспрашивать. Когда я спрашивала у дедушки, он всегда отвечал «У меня нет жены». Вот и все.

Лиана немного помолчала.

– А знаешь, как я вообще узнала о том, что моя бабушка – известная балерина? У него дома я нашла газетную статью про Каннский фестиваль. В ней упоминались супруги Табидзе – режиссер и его жена балерина. Вот так вот.

Она посмотрела на меня и улыбнулась.

– Но как же можно жить и не знать про собственную бабушку?

– Как? – Лиана неожиданно рассмеялась. – Да очень просто. Многие ничего не знают про собственных отцов. Ика вон вообще недавно узнал, что у его отца был младший брат, который умер еще младенцем.

– Ну да, – отозвался я.

– Ладно, садись. Попьем уже чай. Я очень голодна.

Так мы болтали еще некоторое время. Мы строили планы на будущее, которое должно было наступить уже через какие-то шесть месяцев, обсуждали подготовку к экзаменам, переезд, удивление всех наших друзей, когда мы объявим им, что едем учиться вместе. Лиана спросила, увидимся ли мы до экзаменов, а я обещал ей постараться приехать весной, на майские.

Мы виделись каждый следующий день, пока Лиана вместе с семьей не отправилась навещать дедушку Германа в Тбилиси. Эти несколько дней были радостными, счастливыми и безоблачными. Время с Лианой было невероятно волшебным, и я не мог от нее оторваться. Она всегда улыбалась. Всегда была радостна и весела и просто излучала счастье. По крайней мере так мне казалось тогда. Ведь другой Лиану я не видел.

В один из таких дней Лиана лежала в моих объятиях, пока нас никто не видел, а я любовался ее красотой. В тот момент в моей голове пронеслась мысль: «Неужели так же хорошо нам будет и через десять лет?»

– О чем ты сейчас думаешь? – спросил ее я.

– О том, что через десять лет мне будет так же хорошо, как и сейчас.

По моему телу пробежала дрожь. Вот она – моя судьба, мое будущее, моя цель в жизни. Вот все, что я искал и нашел.

Через пару дней Лиана уехала, но мне совершенно не было грустно. В этом чувстве не было смысла, так как я обрел умиротворение и ясно видел наше с ней будущее.

Глава 17. Август 2018 года. Санкт-Петербург

В доме у родителей шли последние приготовления к свадьбе. Мама и Катя улетали в Батуми завтра, за неделю до свадьбы, чтобы закончить все необходимое на месте. Свадьбу решили праздновать в Батуми, так как там жили все родственники Ики и часть наших. Кроме того, грузинская свадьба – это всегда особенное событие.

Но вот я не испытывал воодушевления по поводу предстоящего события. Во-первых, потому что мне предстояло лететь в Батуми. Я не был там восемь лет. Ровно столько прошло с момента трагедии. Я так и не нашел в себе силы приехать в тот дом, в тот сад. Во-вторых, я не представлял себе, как держаться с Арчи. Я не собирался прощать ему его поступок. Но главной причиной, конечно же, была сама эта свадьба.

Ика был членом нашей компании, и я знал его достаточно хорошо. Он был ровесником Бердиа – на два года младше меня. Простой неплохой парень. Но не было в нем какого-то стремления, желания вырваться из привычного круга и взять жизнь в свои руки. Он был довольно ленив и всегда надеялся, что все образуется в жизни само. И вот, образовалось. Свадьба с Катей введет его в мою семью – семью достаточно состоятельную и благополучную, которая откроет перед ним много перспектив. Конечно, я не подозревал его в корыстных намерениях – Ика действительно любил мою сестру. Но не такого мужа я бы желал для Кати. Ика вряд ли будет человеком, умеющим выстоять в шторм. Я не могу понять, как Катя, девушка умная и проницательная, образованная и интеллигентная, полюбила Ику. Что общего могло быть у них? Что так привлекло ее в нем?

А может быть это просто досада от того, что не моя детская любовь перерастает в семью? Моей свадьбе так и не суждено было состояться. Может быть дело в этом? Я отогнал прочь эти мысли.

– Карду, ты ничего не сказал про платье? – Катя с улыбкой смотрела на меня. – Оно нравится тебе?

– Ну конечно нравится. Ты будешь самой красивой невестой на земле. Иди ко мне, – я обнял ее и поцеловал в лоб. Сердце мое сжалось: моя младшая сестренка, этот нежный ребенок, какой я ее видел, выходит замуж через неделю.

– Мне кажется или ты грустный? Что не так? – она взяла меня за руки и заглянула мне в глаза. – Это из-за Арчи?

Я отвел глаза.

– Карду, вам стоит помириться. Ты же знаешь, он не мог... Пока папа болел...

– Довольно, – резко оборвал ее я. Она потупилась. – Извини, милая. Я не хочу говорить об этом.

В комнату вошла мама.

– Что тут происходит?

Мы с Катей немного постояли молча, затем она вышла.

– Карду, родной, на свадьбе будет Арчи, – она остановилась и выжидательно посмотрела мне в глаза. Я не отвел взгляда. – Бердиа рассказал своему отцу, что вы случайно столкнулись в Ницце и ты даже не пригласил его в дом.

– Мама, – начал было я.

– Не перебивай меня. Я знаю, ты винишь его. Но во всем, что случилось, виновата только Лиана.

Я сделал попытку прервать ее, но она подняла руку, сделав мне знак замолчать.

– Да, сынок. Лиана. Это ее вина. Слышишь? Арчи не мог. Ты знаешь это. Посмотри мне в глаза, – она обхватила мое лицо ладонями. – Милый, перестань жить прошлым. Ты должен жить дальше, должен простить брата. Вы не общаетесь восемь лет. Кому от этого лучше? Мне?

Папе? Тете Ане? Сынок, прости брата. Он очень порядочный и хороший человек. Он ни в чем не виноват. Слышишь?

Я убрал ее руки от моего лица, взял ключи, деньги и вышел из дома. Мне нестерпимо хотелось пройтись.

Через некоторое время я заглянул в «Бар Слона» на Рубинштейна – самой оживленной, «барной» улице Санкт-Петербурга. Заказал себе виски, достал телефон и решил написать Тее.

«Привет, как дела?»

Я не знал, ответит ли мне Тея. Мы практически не общались после того, как она улетела в Венецию. На прошлой неделе у меня была короткая поездка в Москву, но я не позвонил ей.

«Ого! Ну привет, незнакомец. Как поживает Ницца?»

«Знаешь, чего мне бы сейчас хотелось больше всего?»

«Бокала холодного розе?»

«Нет. Мне бы хотелось сейчас завалиться с тобой в бар на Рубинштейна. И болтать до утра».

«Ха-ха, почему Рубинштейна, мой космополитный гражданин?»

«Потому что я в Питере».

«Что же ты не предупредил? Могли бы увидеться. Я бы приехала».

Я уставился в телефон. Она это сейчас серьезно? Мы не виделись один месяц, почти не общались... Приехала бы? Я задумался. С Теей было легко и интересно. Весело и радостно. Тея была красивая. Но встретиться с ней тут, зная, что она специально летит в Питер ко мне, означало бы начало чего-то большего, чем простая переписка. А я этого не хотел. Не мог себе этого разрешить.

«В другой раз обязательно напишу. Расскажи мне, что нового происходит в твоей жизни?» – просто ответил я.

После выпитой бутылки виски я все же отправился домой. Свет везде уже был погашен. Я тихо снял куртку, разулся и прошел к себе в комнату. С тех пор как я уехал, родители переделали ее в кабинет, но оставили здесь раскладной диван, на тот случай, когда я буду приезжать. Комната примыкала стеной к родительской спальне. Я лег и уже собирался спать, как вдруг мне показалось, что я слышу приглушенные голоса. Родители о чем-то спорили.

– Ты должен ему все рассказать. Мальчики не общаются восемь лет.

– Ты ставишь меня в безвыходное положение. Он мой сын. Я не могу рассказать ему это.

– Да? А смотреть на то, что твой сын не общается с сыном твоей сестры, ты можешь?

– Милая, он мог давно простить его.

– Да, мог. Но не хочет. Он простил бы его, если бы все знал. Он винит Арчи в случившемся.

– Я не могу. Прошло столько лет, что я ему скажу?

Мои веки отяжелели, глаза слипались, а голова налилась свинцом. Я не дослушал их разговора и провалился в глубокий пьяный сон.

Наутро голова болела нещадно, во рту был мерзкий привкус алкоголя и сигарет. Я открыл телефон. Надо бы перечитать все то, о чем переписывался вчера с Теей. В голове ничего не осталось. Я пытался вспомнить, как добрался домой. Пусто. Кажется, я слышал разговоры родителей. Они что-то говорили про Арчи. Или мне все это только приснилось?

Глава 18. Июнь 1980 года. Тбилиси

Еще один учебный год, наконец, подошел к концу. Впереди были три летних месяца, а значит, и поездка в Батуми. В этом году он ждал ее как никогда прежде. Ему не терпелось оставить ненавистные стены тбилисской квартиры, пропитанные горькими слезами, криками, обидами и ссорами. Ему хотелось скорее сбежать от страха в свою тихую аджарскую гавань летнего дома в Батуми.

К почти ежедневным скандалам родителей добавились проблемы в школе. Иосиф читал много книг, был любопытным и усидчивым, а потому знал много больше своих одиннадцатилетних одноклассников. Школьная программа быстро наскучила ему, а потому на уроках он не слушал учителей и не выполнял домашних заданий. За это он заработал нелюбовь учителей. Многие из них понимали, что мальчик умен и развит не по годам, но все равно требовали послушания и следования системе, а потому без устали наказывали его.

Исключением стали лишь история и литература. Литература учила его слову. Он познавал приемы и инструменты передачи идей. Черпал опыт у Достоевского, Гюго и Гоголя. Делал первые попытки изложения собственных взглядов и мыслей, зарисовывал первые сюжеты, получал взгляд со стороны от учителя, его критику, замечания и справедливую оценку. Тот поддерживал Иосифа и разжигал в нем жажду творить. История же стала неиссякаемым источником сюжетов для Иосифа. В одиннадцать лет трудно придумать достойный сюжет. Да и зачем? Все в этом мире уже случилось, все было. Главное: точно увидеть, передать, изложить. Что чувствовал Александр Первый во время заключения Тильзитского мира с Наполеоном? Какие мысли одолевали жен погибших на Куликовом поле воинов? О чем думал и рассуждал сам с собой Ломоносов на пути из Архангельска в Москву? Он пробовал себя в историческом эссе.

Друзей Иосиф также не завел. Другие дети не любили его за то, что он, казалось, все знал, не прикасаясь к учебникам, за то, что не любил их игр и шумных компаний, за то еще, что не искал их расположения и общества. Он не был маленьким и хилым, напротив, Иосиф рос красивым, статным грузином с черными курчавыми волосами и большими грустными карими глазами. Над ним не смеялись, не издевались и не оскорбляли его. Его не понимали, а потому попросту избегали.

Итак, ровесники не принимали Иосифа в свою компанию, учителя с ним не общались, друзья родителей теперь почти не посещали в их дом – родители были слишком заняты скандалами и ссорами, чтобы приглашать гостей. Единственным другом и его благодарным читателем стала маленькая Курдиани. Так он называл про себя Анну.

Поначалу он невзлюбил ее. Маленькая, неусидчивая, шумная и чересчур живая, Анна отталкивала его своей энергией. Он старался избегать ее и не понимал, почему так активно она пытается с ним подружиться. Эта веселая, заводная девчонка находила его повсюду и всегда старалась завязать разговор. Бабушка Иосифа, едва завидев Анну, звала ее в дом, угощала чаем и всякими сладостями. Она очень любила девочку и хотела, чтобы Иосиф с ней подружился.

Понемногу Иосиф стал привыкать к присутствию Анны. Они стали вместе ходить на море, играть в саду и пить чай. Иосиф читал ей свои рассказы. Анна, никогда до того не знавшая ни про Наполеона, ни про Ломоносова, слушала его, затаив дыхание. Ей нравились его эссе, и это заставляло писать еще и еще.

Но по-настоящему Иосиф осознал ценность их дружбы по возвращении в Тбилиси. Там одиночество и тоска навалились на него с новой силой. Ему было тяжело находиться дома, тяжело ему было и в школе. Письма Анне стали тем островком удовольствия и радости, который помогал ему не потерять присутствия духа. Ее же письма в ответ давали ему сил пережить тревогу, больше писать и чаще улыбаться.

Иосиф подошел к столу и вынул последнее письмо Анны. Он не раскрыл его вчера, когда почтальон только принес его, потому что хотел оттянуть этот приятный момент. Вместо этого он долго любовался конвертом, а затем бережно убрал его в стол, откуда теперь в нетерпении вытащил. Он аккуратно разорвал конверт сбоку, стараясь не повредить письмо. Большие, размашистые детские буквы заплясали в его глазах, складываясь в слова, и в голове зазвучал голос Анны.

Здравствуй, Иосиф!

Я рада была получить еще один твой рассказ вместе с письмом. Я так люблю читать твои сочинения! Пиши, пожалуйста, чаще.

Правда, кто такая Екатерина Медичи, я не знала. Поэтому все в твоём сочинении было для меня новым. А она правда была такой злой и жестокой, какой ты ее описал? Как можно было замучить и убить столько гостей, прибывших на свадьбу? Это бесчестно и подло. Я так плакала, когда читала о Варфоломеевской ночи. Ты так все написал, что мне было очень грустно. Как у тебя это получается? Твои сочинения трогают душу и заставляют грустить. Когда я читаю написанное тобой, мне кажется, что это я, а не Колиньи, стою посреди спальни, окруженная гвардейцами королевы. Но знаешь, я думаю, что все же согласилась бы принять другую веру. Лучше сменить веру, но остаться в живых, чем умереть. Если я умру, то какая мне будет разница, какой я веры? Это грустный и слезный рассказ, но он так понравился мне. Очень красиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.